

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК Советской Юстиции

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Москва, Кузнецкий Мост, д. 7. Тел. 2-80-42
3-18-42

ЦЕНА НУМЕРА в Москве и провинции 35 коп.

№ 32

7 СЕНТЯБРЯ

1925 г.

№ 32

Рассмотрение трудовых споров в расценочно-конфликтных комиссиях *).

«Поэтому нашим правилом должно быть, как можно меньше мудрствовать и как можно меньше выкрутас».

В. И. Ленин.

Первым, кто должен знать рабочее законодательство, должен быть сам рабочий. Дорога, ведущая к разрешению конфликтов, должна быть дорогой, по которой рабочий может идти без всякого повода, не опасаясь сбиться. К сожалению, конфликтный путь, указываемый нашим законодательством, — тернистый путь. РКК, тарифно-конфликтный подотдел, контрольная комиссия, опять РКК (а если исторично прежнее решение — в суд, а если администрация не выполняет согласительного решения, тогда куда?), НКТ, РКК, примкамера, третейский суд — исполнительный лист, особая сессия. И на ряду со всем этим согласительная комиссия в профсоюзах с решениями, «за силою» которых, хотя и нет закона о них самих, — дело получает оборот, приданный ему согласительной комиссией. Нет ничего удивительного в том, что трудовой конфликт иногда принимает подобие того классического дела старых судов, при котором дело началось по иску к мамке об обязанности кормить ребенка, а кончилось, пройдя надлежащие инстанции, к тому времени, когда в качестве понесшего ущерб в суде выступал взрослый мужчина, а ответницей — дряхлая старуха. Дела, идущие в конфликтном порядке три месяца, полгода, год, — вовсе не такая редкость, и мы должны признаться, что ясности в конфликтном пути и простоты нет и без повода по нему рабочему не пройти.

Тов. Резников в одной из своих рецензий остроумно заметил, что трудовое законодательство имеет теперь вид «второзакония». Я не знаю, что больше по размерам — второзаконие или пятикнижие. И если пятикнижие больше — вношу поправку в сравнение тов. Резникова.

Может ли РКК знать (особенно ее рабочая часть) это пятикнижие? Нет ли шансов на то, что

представительство администрации лучше найдет в этом пятикнижии подходящий ему пункт?

Можно ли по союзной линии ланинструктировать РКК, чтобы она умела разобраться в «пятикнижии»? При существующем сроке работы в РКК (шесть месяцев), конечно, нельзя, да и нет смысла, так как в конечном итоге подготовка кончится к концу срока работы.

Подготовка не пропадет, но это будет стрельбой по дальней цели.

Если проследить процент отмены обжалованных решений РКК, мы увидим (по Москве), что этот процент равен 50 по тарифно-конфликтному подотделу и 25 по контрольной комиссии, т. е. еще 25% обжалованных и признанных тарифно-конфликтным подотделом правильными решений РКК отменяются контрольной комиссией. Всего значит 75% обжалованных решений РКК отменяются. Если 75% обжалованных отменяются, то с большей долей вероятности можно предположить, что и среди необжалованных есть также процент несоответствующих закону, на которые заинтересованная сторона махнула рукой или которые она не обжаловала, веря в авторитет РКК.

Сколько решений РКК обжалуется? За апрель-июнь (3 мес. Москва) обжаловано 1342 дела. За предыдущий такой же период на 22% меньше. Растет сложность законодательства, растет в процентном отношении и количество неправильных решений РКК. А если посмотреть на то, где чаще всего нарушаются трудовые законы, то 81,5% по госпредприятиям обжалованных решений РКК — дает точные указания. Общее число работников, затронутых этими конфликтами за три месяца, ровно 2970 человек. Любопытно отметить, что 261 дело, т. е. почти 20% дважды просматривалось в РКК и направлено тарифно-конфликтным подотделом в особую сессию для разбора по существу, так как РКК не испра-

*) В порядке обсуждения.

вляло своих ошибок, было в состоянии, так сказать, «упорного заперательства». Итак, за год можно привести следующие данные: около четырех с половиной тысяч жалоб, из них около 3000 основательных и около 12 тысяч человек, захваченных конфликтами только по делам РКК. А примирительные камеры, третейские суды, особая сессия — дадут, наверное, цифру, увеличивающую наши итоги больше, чем в два раза. И надо отметить, большинство конфликтов бьет по самому большому месту: увольнение и неправильные расчеты. Для примера приведем дело токаря Моисеева (завод имени Владимира Ильича): первое решение — увольнение за пропуск 66,5 дней по болезни в течение семи месяцев. Отменено. Уволен вторично за прогулы. Выяснено, что прогул был, потому что не допущен к работе. Отменено. Уволен в третий раз — в виду недоверия администрации завода. Одно и то же увольнение проведено трижды под разными предлогами. В деле ясно виден нажим администрации — это одно из больных мест в работе РКК. Пример: «Слушали заявление т. Иванова о восстановлении его в должности. Постановили: «отказать». Что можно вынести из такого протокола, какие мотивы лежат в его основу? Это второе больное место в решениях РКК. Только 10—15% решений РКК отражает полностью все дело (нами обследовано 500 дел РКК). Пример: дело гр. Ивановой фабрики Москвошвей № 36. Слушалось заявление гр. Ивановой об установлении ей разряда. Постановили: «в виду того, что прием т. Ивановой не был проведен через РКК, предложить заводу управлению уволить ее с 15 октября 1924 г., оплатить за 2 недели за счет лица, виновного в ее приеме, а впредь таких приемов не производить». Дело, не подведомственное РКК, принято ею к производству, оштрафован сотрудник. Прием дел, не подведомственных РКК, третье больное место.

Вынесение решений заочно без вызова заинтересованных лиц — четвертое больное место.

Вынесение решений по совершенно необследованным делам — пятое больное место. Например: «заявление заведующего питной Моссельпрома № 77 о неисполнении распоряжений и о грубом обращении судомойки Нестеровой». Постановили: «уволить».

Разбор дел, пролежавших в РКК несколько недель, шестое.

Допущение грубых нарушений трудового законодательства в решениях РКК — седьмое. Обход закона — применение имеющей формально-правильную видимость статьи в виду невозможности действительно законно уволить — восьмое. Например, вместо увольнения в виду преступления — увольнение по непригодности. Отсутствие паритета в решениях — девятое. Кто жалуется на решения РКК? Исключительно рабочие и служащие. Администрация в огромном, подавляющем большинстве случаев довольна решениями РКК. Значит, что те незаконные решения РКК, которые обжалованы и отменены, при которых присутствовали представители администрации, распоряжение которой дало начало конфликту — угодны администрации. Но значит ли это, что иногда РКК идет на поводу у администрации? Припомним, что ни кто иной, как администрация судится (государственных дел 60%) в особой сессии за нарушение трудового законодательства по 132 ст.

Таковы выводы из 500 обследованных дел РКК, прошедших через конфликтный порядок, взятых не на выборку, а из общей массы.

Как разбирается в делах конфликтный подотдел и контрольная комиссия, органы надзора, наблюдающие за законностью РКК?

Как можно разбираться в решении, где помечено «уволить». Необходимо обследовать дело. И жизнь выдвинула необходимость того, чтобы эти органы разбирались в подавляющем большинстве дела не в порядке надзора, а по существу, с вызовом сторон, отложением дел, обследованием их и т. д. Поступить иначе значит отказать рабочему в правосудии, так как решения эти, достигнутые соглашением, обжалованию не подлежат. Таким образом, получается, что конфликт разбирается по существу три раза — РКК, тарифно-конфликтный подотдел и контрольная комиссия, а иногда и четыре, когда дело направляется обратно в РКК, а иногда и пять, когда направляется в особую сессию в виду упорства РКК в неправильном решении, а иногда и шесть, когда дело, решенное особой сессией, переходит в губсуд, а иногда и семь, когда губсуд отменяет решение и направляет его обратно в трудсессию.

Каковы же плюсы в разборе дел РКК, чем оправдывается их существование? О распеночной работе мы говорить не будем, здесь не может быть никакой речи о том, что РКК вполне на месте.

Но и в области конфликта за РКК есть большие заслуги.

Во-первых, полное и точное знакомство с условиями производства и с теми особенностями каждого данного случая, которые никаким законом не предусмотреть и «аршином общим не измерить», во-вторых, разбор дела у себя на предприятии немедленно по возникновению конфликта и немедленное проведение решения в жизнь. Нигде не может быть достигнуто в такой полной мере основной принцип революционной законности — быстрота решения и близость к массе — как в РКК.

Но для того, чтобы этот принцип проводился в жизнь, а не сводился на-нет быстрыми, но неправильными решениями, необходимо чтобы рабочая часть РКК была вооружена знанием трудового законодательства. Для этого нужна подготовка работников РКК. Необходимо широко поставить общие курсы для подготовки работников завкомов и РКК, и так как за «ученого двух неученных дают», то, конечно, при выборах в завкомы — выбор рабочих остановится на тех, кто прошел подготовку к этой работе.

А дело профсоюзов выделить на подготовку средств и силы. Но одной подготовки мало, нужен еще и опыт плавки полученных сведений в горниле работы, в виду этого срок работы в РКК надо удлинить самое меньшее до года. Самый путь прохождения конфликтов тогда можно до чрезвычайности упростить.

Ведь если тарифно-конфликтный подотдел и контрольная комиссия по существу выполняют работу суда, то не проще ли и передать эту работу по прямому ее назначению? Слепое поклонение перед авторитетом РКК надо сдать в архив. Если их решения ценны, как близкие к самым недрам рабочей массы и к самым станкам, и если авторитет их укрепляется на правильном применении трудового законодательства (максимальные гарантии для рабочего класса)

в наших условиях), — надо за их решениями оставить силу примирительных решений. Решение РКК должно быть не более, чем результатом соглашения, когда от имени рабочего выступает рабочая часть РКК, находит выход из создавшегося конфликта, а если рабочего это соглашение не удовлетворяет, надо открыть ему свободный выход в третейский или гражданский суд, куда он может обратиться с иском, как если бы никакого решения в РКК и не было. Возражением (основным, так как роль и влияние союза в конфликте остается в полной мере путем первоначального разбора в РКК) является то, что якобы суды будут перегружены. Совершенно верно, суды загружаются ровно на такое же количество дел (а может быть и меньше), на какое загружены конфликтный отдел и контрольная комиссия, т. е., предположим (для Москвы) на 4000 дел — загрузка двух судей. А не все ли равно государству, где содержать аппарат, в суде или в отделе труда. В смысле времени прохождения кон-

фликта получается прямой выигрыш, так как на разбор дела в суде, считая и кассационную инстанцию, уйдет не больше 5-ти недель (считая по практике неделю в особой сессии, две на обжалование и две на разбор в губсуде). Необходимо обратить внимание на то, что «нормальный» процент отмены решений РКК отсюда в конфликтных инстанциях 75 (50 + 25), а отмены решений особой сессии в губсуде 1½%.

Всякое иное решение вопроса будет малоплодотворным, которое не достигнет цели. И никакие мудрости об РКК не приведут ни к чему новому, как только к увеличению споров. Нам нужен порядок разбора споров трудящихся с нанимателем простой, доступный каждому рабочему самому, «без выкрутас». Существующий же сейчас порядок именно этими выкрутасами держит в год 12000 человек, отрывая их от производительной работы, подрывая в них веру в революционную законность.

М. Бухов.

К вопросу об исках к иностранным страховым кампаниям.

До революции, в России, наряду с целым рядом частных страховых обществ, получили правительственную концессию и успешно развивали свою деятельность по страхованию жизни три иностранных страховых общества: «Нью-Йорк», «Эквитебль» и «Урбен».

В конце 1918 года декретом СНК страхование во всех его видах было объявлено государственной монополией. Этим самым иностранные страховые общества лишились концессий, а все остальные частные русские об-ва стали государственным достоянием.

В дальнейшем, в порядке конфискации всех средств, находившихся в банках, были конфискованы капиталы, принадлежащие всем страховым обществам, в том числе и иностранным.

Таким образом, иностранные страховые общества произвели со своими русскими клиентами соответствующего расчета и по самым скромным подсчетам остались должны им в общей сложности свыше 100 миллионов рублей.

Многочисленные обращения отдельных полисодержателей к обществам с требованием произвести расчет не привели ни к чему, ибо об-ва считали ответственным перед русскими полисодержателями Советское Правительство, к которому и предлагали полисодержателям обращаться.

Вопрос о праве русских полисодержателей требовать от иностранных обществ уплаты застрахованного капитала или возврата части уплаченных премий уже давно подвергался тщательному изучению.

В настоящее время, благодаря организации массового сбора этих полисов и сосредоточению их в одних руках, получена возможность привлечения к участию в защите интересов русских полисодержателей видных иностранных адвокатов, которые уже предъявили первые судебные иски в судебных установлениях Америки и Франции.

Точка зрения адвокатов, взявших на себя защиту интересов русских полисодержателей, сводится в общем к тому, что отдельным полисодержателям нет никакого дела до того, вследствие каких причин страховые общества не могли продолжать своей дальнейшей работы в России.

Застраховав жизнь каждого отдельного гражданина, страховые общества брали на себя определенные страховые договором (страховыми правилами) обязательства, выполнение коих полисодержатели (выполнявшие в свою очередь свои обязательства своевременным платежом премии) имели от обществ и вправе требовать.

Отказ иностранных страховых обществ от уплаты по своим обязательствам основывается, как на факте конфискации их капиталов (служивших обеспечением выполнения своих обязательств перед русскими полисодержателями), так и на том, что декрет о национализации, предусматривая, якобы, национализацию и иностранных страховых обществ, этим самым предпринял вопрос о принятии Советским Правительством на себя всех обязательств этих иностранных обществ.

Что национализация страхового дела могла охватить лишь русские страховые общества и другие русские же, занимавшиеся различными видами страхования, организации (земские, взаимно-городские и др.) это совершенно очевидно.

Нельзя же предполагать, что, декретируя национализацию страхового дела, Советское Правительство имело в виду также и национализацию обществ, находившихся вне пределов досягаемости Советского Правительства.

Самый факт прекращения деятельности российских отделений этих иностранных страховых обществ и конфискации обеспечений, хранимых в российских же банках, также никак не может быть рассматриваем, как акт национализации этих обществ.

Наконец, аннулирование договора по страховым

жизни в РСФСР, конечно, не может быть отнесено к страховым договорам (полисам) иностранных страховых обществ, ибо, как это справедливо указывает НКЮ Украины, «допущение, что декрет об аннулировании договоров по страхованию жизни, аннулирует также требования граждан РСФСР к иностранным капиталистическим организациям, находящимся за границей, противоречит общему смыслу и целям советского законодательства, так как Советская власть отнюдь не имела в виду обогащения иностранных капиталистов аннулированием их обязательств по отношению к гражданам РСФСР».

Более серьезным казался бы другой аргумент иностранных обществ, что конфискация всего имущества в России (залогов, резервов и пр.) лишила их возможности расплатиться с русскими полисодержателями так как именно эти конфискованные средства и предназначались для выполнения обществами своих денежных обязательств перед русскими полисодержателями.

Вопрос, таким образом, переносится в плоскость того, ограничивается ли ответственность обществ лишь той частью имущества, которое было в России, или оно отвечает всем своим имуществом, где бы таковое ни находилось.

Ответом на этот вопрос служит соответствующий § правил для производства операций иностранными страховыми обществами, который гласит: «чтобы в точном исполнении принимаемых на себя обязательств, оно (общество) отвечало, кроме находящихся в России сумм и закона, всем прочим своим имуществом.....».

Таким образом, уже с момента предоставления концессий русский полисодержатель получал гарантию ответственности общества в размере, превышающем законом установленного обеспечения.

Сами общества неоднократно подтверждали, что «полисовладельцы общества в России обеспечены не только общим активом общества в 822.917.849 дол., но и специальным фондом свыше 50 миллионов рублей в государственных процентных бумагах, депонированных об-вом в госуд. банке в Петрограде». Об-во «Эквитебль» указывало, что в точном выполнении обязательств по страхованию оно отвечает сверх находящихся в России сумм, вообще, всем своим громадным имуществом и т. д.

Несмотря на такую категоричность заявлений, делавшихся в свое время, страховые об-ва, однако, ныне высказывают соображения, что русский полисодержатель вряд ли имеет право претендовать на резерв главного управления.

Ряд судебных решений, имевших место в последнее время, подтвердил, однако, правильность той точки зрения, которая ставит вопрос об ответственности страховых обществ вне зависимости от вопроса о потерях страховых об-в в результате конфискации Советским Правительством имущества и ценностей в России.

Еще в июле 1923 года смешанный франко-германский трибунал, учрежденный во исполнение постановления Версальского трактата, вынес весьма важное и крайне показательное, по интересующему нас вопросу, решение по делу бывш. отделения Лионского кредита в Петрограде. Фирма «Ефройм Мейер и Сын» из Ганновера предъявила в смешанном трибунале против Лионского кредита иск об обязатель-

стве в сумме тысячи пятисот франков на Петроградское отделение Лионского кредита. Правление Лионского кредита, возражая против иска, заявило, что Петроградское отделение Лионского кредита было национализировано Советской властью и передано в народный банк.

В виду этого, в настоящее время по претензиям к бывш. отделению Лионского кредита ответствен народный банк. Лионский кредит не имеет никакой возможности проверить по своей бухгалтерии действительность и сумму предъявленной претензии. Сверх того, Лионский кредит, по мнению правления, был автономен, и вследствие этого даже принципиально правление Лионского кредита во Франции не может быть ответственным по обязательствам Лионского кредита в России.

Смешанный франко-германский трибунал отверг совершенно эти доводы и пришел к заключению, что русское отделение Лионского кредита никогда не владело самостоятельным имуществом и не обладало органом, необходимым для самостоятельного существования юридического лица, что залог, депонированный русским Лионским кредитом в России, может быть рассматриваем только, как дополнительная гарантия, которая несколько не исключает ответственности Лионского кредита всей совокупностью своего имущества. Что же касается замены народным банком Лионского кредита, то подобная замена не может освободить этого последнего от его личных обязательств, гарантированных всей совокупностью его неконфискованного актива.

На основании этих соображений, Лионский кредит был присужден к уплате истцу—торговому дому «Ефройм Мейер и Сын»—тысячи пятисот франков по обязательству.

Мы, к сожалению, не располагаем сведениями о дальнейшем ходе дела Лионского кредита, но имеем решение парижского суда по непосредственно интересующему нас делу, а именно по иску швейцарского пр-на Гено к об-ву «Урбен» о возврате ему внесенной им в 1917 году в г. Одессе единовременной страховой премии. Решение эти подводит нас вплотную к вопросу об ответственности страховых обществ перед полисодержателями.

Суд указал, что «Урбен» для того, чтобы освободиться от обязательства платить, «не может основательно ссылаться на захват Советским Правительством его имущества в России и утверждать, что это случай непреодолимой силы лишил его средств рассчитаться; что генеральное агентство, которое оно имело в России, не являлось юридическим лицом, от него отдельным, даже имея свое отдельное имущество. что если для того, чтобы приступить к своим операциям в России, «Урбен» должно было подчиниться законной обязанности иметь в этой стране часть капиталов, пропорционально сумме своих операций, и хранить их в государственном банке, если эти капиталы были предназначены для гарантий обязательств, кои оно заключало, то отсюда не следует, что кредиторы не имеют права преследовать должника по платежу их претензий из имущества должника, находящихся во Франции, что как раз именно обратное является вполне очевидным».

Таким образом, французский суд, признав за полисодержателем право требовать от «Урбена»

уплаченных в виде страховой премии сумм, этим самым подтвердил правильность основной юридической позиции, легшей в основу исков к иностранным страховым обществам.

Итак надлежит считать несомненно установленным:

- 1) что вопрос об ответственности обществ перед отдельными русскими полисодержателями уже разрешен в благоприятном для русских полисодержателей смысле, и что
- 2) общества отвечают всем своим громадным имуществом, а не лишь небольшой долей, бывшей в Рос-

сии и конфискованной в свое время Советским Правительством.

Все же до настоящего момента мы не имеем еще судебного решения, разрешающего в благоприятном для русских полисодержателей смысле весь вопрос об ответственности общества.

Во всей широте и перед полисодержателями, и перед судом выплывает сейчас валютная проблема, т.е. как и чем должны платить общества.

Однако, этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи, имеющей целью освещение правильности юридического обоснования претензий русских полисодержателей.

Е. Островский.

Разгрузка следственного аппарата. (Новый закон об изменении 108 ст. УПК).

С первых шагов проведения в жизнь революционной законности забота о надлежащей постановке следственного аппарата была одной из первоочередных задач Наркомюста. Но, как и следовало ожидать, в первые годы следственный аппарат не успел достаточно окрепнуть, и дело расследования преступлений технически было поставлено слабо. Здесь было взаимодействие целого ряда причин, по которым несовершенство следственного аппарата осталось неизжитой еще и до сих пор бедой советской юстиции. В прошлом году более двух десятков статей «Еженедельника Советской Юстиции» были посвящены вопросу об улучшении следственного аппарата, при чем почти все авторы этих статей указывали на две главнейшие причины неудовлетворительного состояния следственной части судебных учреждений Республики: на хроническую материальную необеспеченность народных следователей и недостаточную подготовку к работе личного персонала — следователей. При этом отмечалось, что в результате этих причин наблюдалось повсеместно, как общее явление, скопление в отдельных участках следователей огромного количества следствий, медленность движения дел и чрезмерная загрузка следственного аппарата неоконченными делами, среди которых к тому же дела особой важности смешивались с делами, маловажными и лишеными всякого общественного интереса, при чем первые или не получали своевременного направления, или же производились настолько слабо, что не удовлетворяли самым элементарным требованиям, которые предъявляются к следственным производствам.

Конечно, это было большой бедой юстиции: медленность в деле расследования преступлений в связи с техническими несовершенствами в приемах следствия и общее неумение правильно провести расследование, чтобы вскрыть картину преступления и обнаружить истинных совершителей его, могут свести на-нет борьбу с преступностью. Затяжка в производстве и окончании следствия выветривает общественный интерес к делу и делает часто бесцельной судебную репрессию, а неопытность в деле расследования преступлений и недоделки в технической обработке следственного материала могут повести и к судебным ошибкам: в одних случаях

к оправданию явного, но не изобличенного следствием преступника, в других — к осуждению невиновного привлеченного.

А так как ошибка следствия и медленность в производстве расследований и при хорошем состоянии следственного аппарата бывают неизбежны при условиях чрезмерной загрузки делами работников следственного дела, то, естественно, что вопрос о разработке мероприятий, направленных к разгрузке следственного аппарата, стоял на очереди до последних дней.

Возложение процессуальным законом с прошлого года на следователей новой обязанности — наблюдения за дознаниями — не облегчило, к сожалению, как бы следовало ожидать при нормальной нагрузке следователей, непосильной тяготы следователей и не сняло с них свищового груза накопившихся неоконченных следственных дел.

Оказалось необходимым провести в жизнь новую меру, «в целях разгрузки следственного аппарата» от излишнего балласта. Такой мерой явилось опубликованное на днях постановление ВЦИК и СНК от 27 июля 1925 г. об изменении 108 ст. УПК.¹⁾, согласно которому значительно сокращено число преступлений, предусмотренных Угол. Кодексом, по которым производство следствия является обязательным.

Эта новелла УПК интересна не только как целевой закон, направленный к разгрузке следственного аппарата, но и как новый законодательный акт, являющийся последовательным развитием нашего уголовно-процессуального законодательства, имеющего неуклонную тенденцию, с одной стороны, требовать ускорения темпа расследования уголовных дел и уничтожить пережиток старого процесса, допуская произвольное производство расследований не месяцами, а целыми годами, а с другой стороны, упростить процесс производства расследований, а вместе с тем теснее и теснее объединить органы дознания и следствия в процессе их работ, признав их оди-

¹⁾ См. „Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК“ от 11 августа т. г. за № 181.

платово правомочными для всех случаев расследования преступлений, и, таким образом, в дальнейшем окончательно стереть ту формальную грань, которая еще существует по УПК между дознанием и предварительным следствием.

Если мы проследим историю развития уголовно-процессуальных норм нашего права, то заметим, что по Угол.-Проц. Кодексу первой редакции была установлена подследственность уголовных дел в соответствии с началом подсудности преступлений, подобно тому, как это имело место в дореволюционном законодательстве. Согласно 108 ст. УПК издания 1923 года, производство предварительного следствия признавалось обязательным по всем делам, рассматриваемым губернскими судами и трибуналами.

Но уже в той же статье, по редакции 1924 года, принятой на октябрьской сессии ВЦИК, определенно намечен отрыв от указанного принципа: здесь уже были точно перечислены преступления, расследование которых обязательно должно производиться следственным порядком без отношения к их подсудности. Перечень этих преступлений, указанных в 108 ст., был достаточно обширен, при чем преступления, по которым производство следствия признавалось обязательным, не ограничивались деяниями, исключительно подсудными, согласно 26 ст. УПК, губсуду; с одной стороны, обязательное производство следствия требовалось по некоторым делам, подсудным нарсуду (91, 94, 95, 188, 189 и др. ст. Угол. Код.); с другой стороны, производства следствия не требовалось и по некоторым делам, подсудным губсуду (89 ст., 2 ч. 131 ст. УК).

Статья 108 в последней редакции нового закона 27 июля н. г. вновь сокращает цикл преступлений, по которым предварительное следствие должно производиться обязательно, при чем из сравнения с прежней редакцией этой статьи усматривается, что до 30 видов преступных деяний, которые ранее обязательно расследовались в следственном порядке (1 и 2 ч. 80 ст., 81-я ст., 83, 84, 91, 92, 94, 95; 2 ч. 98; 1 ч. 105—108 ст. ст., 117, 1 ч. 112, 1 ч. 113, 116, 120, 137, 147, 150, 152, 161—164 ст. ст., 180-е ст., 1 ч. 183, 188, 189 и 197 ст. ст. Уг. Код.), ныне изъятые из перечня преступлений, по которым производство следствия обязательно.

Здесь прежде всего обращает внимание, что некоторые из указанных преступлений, по которым раньше предварительное следствие не обязательно, относятся по Угол. Кодексу к таким преступлениям, особо тяжким и опасным, за которые закон грозит большими сроками лишения свободы, с обязательной конфискацией имущества, и даже высшей мерой наказания (83, 2 ч. 98, 116, 197 ст. ст. УК).

Следовательно, не подсудностью дело преступлений и даже не степенью тяжести наказания за них определяется по новому закону допустимость расследования указанных преступлений без производства следствия. Если же мы рассмотрим отдельно все перечисленные выше статьи Угол. Код., то должны будем прийти к заключению, что при проведении новеллы 27 июля имелась, очевидно, в виду определенная цель — освободить следственные органы от производства следствия по таким преступлениям, которые, хотя и являются по существу особо опасными, но не требуют на

практике применения сложнейших и длительных методов исследования, которыми располагает по преимуществу следственный аппарат.

Поэтому естественно, что требование обязательного производства следствия оставлено лишь в отношении таких преступных деяний, как тяжкие государственные преступления, требующие обычно тщательного исследования, разработки и часто проверки материалов дознания, хотя бы произведенного специально уполномоченными на расследование этих преступлений органами ОГПУ (58 и сл. ст. ст. УК); как подделка монеты и знаков государственной оплаты, требующая сложной научно-технической экспертизы (85 ст. УК); сопротивление власти отдельных граждан или превышение власти должностных лиц, сопровождавшиеся убийствами или насилиями, как требующие тонкого анализа, исследования причин и мотивов преступления, а равно серьезной судебно-медицинской экспертизы (1 ч. 86, 2 ч. 106 ст. УК); должностные преступления, особенно опасные по своим тяжким последствиям, а равно и некоторые хозяйственные преступления, как требующие детального исследования всех отдельных моментов преступления и почти всегда производства сложных поверочных бухгалтерских и экономических экспертиз (110, 111, 2 ч. 112, 2 ч. 113, 114, 114-а, 115, 128, 128-а, 129, 130, 136); равным образом, квалифицированные виды убийств и телесных повреждений и преступления в области половой нравственности, при исследовании которых обязательно приходится прибегать не только к предпринимаемому исход дела судебно-медицинскому освидетельствованию, но и к помощи специальных органов научно-технической экспертизы (142—146, 148, 149 ст., 166—171 ст. ст. УК), а равно и другие отдельные виды преступлений, как ложный донос, осложненный тяжкими последствиями, некоторые опасные виды имущественных и воинских преступлений, расследование которых может быть успешно произведено лишь органами предварительного следствия при помощи более надежных и усовершенствованных приемов и методов исследования истины (179, п. «ж» 180 ст., 180-а, 2 ч. 183, 184, 206, 2 и 3 ч. 209, 210—214 ст. ст. УК).

Применяя указанный анализ, обосновывающий смысл новеллы 27 июля, легко понять и основания, по которым законодатель, имея в виду ближайшую цель разгрузки следственного аппарата, признал возможным допустить производство расследований по ряду особо опасных преступлений — через органы дознания, в сравнительно упрощенном порядке, не прибегая к сложному аппарату органов предварительного следствия.

В самом деле, просматривая перечень преступлений, исключенных из ст. 108 УПК новым законом, мы видим, что некоторые из них по составу своему настолько просты, что расследование их, в смысле применения методов исследования, в большинстве случаев может идти исключительно на опросах свидетелей, на официальных актах и переписках, бесспорно устанавливающих преступные факты и не требующих разработки и новой проверки до суда (91 ст. — самовольное присвоение себе власти должностного лица; 94 — освобождение арестованного из-под стражи; 95 — побег с места

высылки; 117—разглашение должностным лицом секретных сведений; 120—обманные действия в целях использовать суеверие масс; 1 ч. 183—простой прабег; 188—мошеннические действия в отношении госоргана и др.). Или же эти преступления обычно по обстановке своей и при всегдашней наличности совершителя таковы, что могут легко быть обследованы портативными приемами органов дознания — милиции (147 ст. — убийство по неосторожности; 152 — превышение пределов необходимой обороны). Наконец, некоторые из этих преступлений по существу таковы, что уже в начальном процессе расследования компетентными органами — в актах произведенного дознания они обязательно должны исчерпывающе и всесторонне выявиться и не требуют дальнейшего исследования и оформления (83 и 84 ст. ст. — агитация и пропаганда, направленная против порядка управления, изготовление и распространение такой же литературы, фиксируемые актами органов уголовного розыска или ОГПУ; 1 и 2 ч. 80 ст. — организованное сокрытие от обложения продуктов, посевных площадей и т. п., обычно устанавливаемое официальными документами и собранными сведениями органов финансового надзора, органов управления и инспекций; 1 ч. 105 — 108 ст. ст. — злоупотребления, превышение и бездействие власти и халатное отношение к службе, обычно закрепленные достаточно полно в оформленных актах ревизий РКИ и др. специальных инспекций и ревизионных комиссий и административных органов, с надлежаще полными материалами экспертиз и т. п.).

Подходя со строгой критикой к закону об изменении 108 ст. УПК, можно, правда, высказать некоторое сомнение в целесообразности освобождения от обязательного следственного расследования таких, например, преступлений, как предусмотренные 81-г, 116 и 189 ст. ст. УК. Уклонение от призыва на военную службу путем причинения себе повреждения в здравьи, путем учинения подлога в документах, путем подкупа должностных лиц и всяких иных ухищрений (81-г ст. УК), служебный подлог (116 ст. УК), как и подделка официальных и простых бумаг, документов и расписок (189 ст. УК), обычно проявляются в жизни в таких формах, что установление улик по таким делам бывает невозможно без сложного и тонкого анализа объекта преступления и без участия экспертов, а иногда и освидетельствования обвиняемого для установления доказательств си-

муляции и т. п., что требует безусловно вмешательства органов следственной власти. Но так как разбираемая нами процессуальная новелла в заключительной своей части имеет ограничительную оговорку, то следует признать, что в сложных и сомнительных случаях возникновения дел о преступлениях, предусмотренных указанными статьями Угол. Код., суд и прокуратура должны требовать обязательно производства по этим делам предварительного следствия.

В общем, придавая важное значение закону об изменении 108 ст. УПК, нельзя, однако, сказать, чтобы новый закон окончательно разрешил вопрос об улучшении постановки дела расследования преступлений. Не надо забывать, что если теперь значительное число дел о преступлениях отойдет от следователей, то одновременно этот груз дел переходит к другим органам того же общегосударственного аппарата по расследованию преступлений, главным образом — к органам милиции и уголовного розыска.

И если эти последние органы окажутся, по введении в действие нового закона, также в состоянии чрезмерной загрузки, и если расследование преступлений этими органами не будет поставлено на надлежащую высоту, то разгрузка следственного аппарата не достигнет цели и произойдет за счет ухудшения расследований уголовных дел, которые будут производиться органами дознания.

Ведь новый закон, передавая органам дознания право производства расследований по делам о серьезных преступлениях, возлагает и на эти последние органы обязанность улучшить технику и ускорить процесс расследования преступлений. А это в свою очередь ставит вопрос о необходимости подумать о разработке новых мероприятий, направленных к более тесному сближению и объединению в работе органов дознания с народными следователями и прокуратурой, к переподготовке работников милиции и уголовного розыска, к улучшению материального положения и качественного состава этих работников, а вместе с тем и усовершенствованию всей техники розыскного и следственного дела.

Только тогда никакая нагрузка в уголовных делах, обуславливаемая общими причинами социального характера, не будет непосильной для органов дознания и следствия, которые совместно с прокуратурой служат общему делу широкого проведения в жизнь революционной законности.

Вл. Громов.

Порядок назначения дел к слушанию в уголовно-кассационном отделении губсуда.

Большим тормазом в работе уголовно-кассационных отделений губсудов является и по сие время, казалось бы, незначительное на первый взгляд, но все-таки составляющее кассационное нарушение, слушание дел без получения вторых экземпляров повесток от сторон (409 ст. УПК). Неполучение второго экземпляра повестки от сторон ставит кассационную инстанцию при слушании дела в положение неизвестности, а именно: или повестка вручена своевременно, но по вине милиции или почты

просто не доставлена по дню слушания дела в губсуд, или же стороны по указанному в деле адресу не оказались на месте и ее следует признать нерозысканной. Такое гадательное положение, за редким исключением, приводит к тому, что губсуды, дабы избежать загрузки, слушают дела, конечно, совершенно сознательно нарушая права стороны. Исполнение же закона приводит к накоплению больших остатков дел и в конце концов грозит губсуду превращением в архив. Если же подробно проанализи-

ровать и изучить обстановку и моменты прохождения дела от нарсуда в губсуд, то каждый поймет, что является тормазом в нашей повседневной работе. Мы убедились, что главным тормазом является как в губсуде, так и в милиции отсутствие средств на почтовые расходы. Из примера гражданских кассационных коллегий мы знаем, что там дело обстоит куда лучше, чем в уголовных, ибо обратные экземпляры повесток уже заранее оплачены. Однако, не будем смущаться той истиной, которая всем известна, а проследим путь прохождения повестки, ее вручение и отсылку обратного экземпляра, и тогда попробуем сделать те или другие выводы. Как всем известно, повестки по делам пишутся сотрудниками канцелярии уголовно-кассационного отделения и, оплачиваясь почтовым сбором, отсылаются по почте в волостную милицию, на обязанность которой лежит эту повестку вручить стороне, а обратный экземпляр вернуть в губсуд. Повестка из волостной милиции обычно идет к стороне с попутчиком, или сторона через попутчика вызывается из ближайшего села или деревни в волостную милицию и там расписывается на втором экземпляре, который, как казалось бы, тут же должен был бы уйти в губсуд, но у милиционера нет средств, и повестка лежит в милиции. Между тем, ко дню слушания дела в кассационной инстанции обратного экземпляра повестки в деле не оказывается, а стороны на слушание дела в губсуде иногда являются, а иногда не являются (так как явка сторон необязательна), и губсуду неизвестно, вручена повестка или нет. Вот тот заколдованный круг, в который попадает кассационная инстанция, связанная процессуальным законом. Повестки копятся в милиции, а дела в губсуде. Создаются большие залежи, и стороны справедливо упрекают губсуд в медленном продвижении дел. Сплошь да рядом кассационное отделение губсуда при разрешении дел в отсутствии стороны, которой повестки не доставлены, и без второго экземпляра повестки в деле, разрешает его неправильно, но стороны остаются неудовлетворенными, так как считают, что при их непосредственном участии кассационная инстанция вынесла бы иное определение. Это приводит к тому, что прокуратура приносит протесты в пленум губсуда, а пленум определения губсуда отменяет. Прodelывается, таким образом, масса непродуктивной, побочной работы, не только судом в целом, но и губпрокуратурой. Правда, некоторые прокуроры, поставленные перед фактом десятков тысяч дел в кассационных инстанциях, просто закрывают на это процессуальное нарушение свое прокурорское око и только приносят протесты тогда, когда об этом имеется просьба сторон. Вот к чему ведет неполучение своевременно обратного экземпляра повестки благодаря отсутствию средств как в губсуде, так и в милиции. Таким образом, отсюда ясно, что или нужно отпускать специальные средства на пересылку вторых экземпляров повесток губсудам и милиции, или отменить существующий порядок вызова сторон в кассационную инстанцию и установить такой же порядок, как и в Верховном Суде, или же, в особенности теперь в связи с лозунгом «лицом к деревне», искать новых путей, могущих устранить тормозящие работу губсудов препятствия, и приблизить губсуд к широким массам трудящихся города и деревни. Какой же

при настоящих условиях следует избрать путь? Ассигнование специальных средств губсудам на пересылку обратных экземпляров повесток? Может ли пойти на такой шаг НКЮ со своим скудным бюджетом? Конечно, первые два, три года нет, и, следовательно, с этой стороны на получение средств мы рассчитывать не можем. Возможно ли надеяться на осуществление второго выдвинутого нами предложения, а именно: установить такой же порядок, как и в Верховном Суде, т.е. совершенно не вызывать сторон в кассационное отделение губсуда? Можно сказать с полной уверенностью, что этого пока законодатель сделать также не может прежде всего потому, что квалификация нарсуда ниже, а потому также, что процессуальные права сторон еще не в полной мере гарантируются нарсудами, и кассационным отделениям губсудов, при разборе дела, приходится устанавливать те или другие нарушения прав не только но имеющимся документам, но и с помощью объявлений присутствующих сторон.

Остается последнее положение, а именно: искать новых путей. При этом необходимо, во первых: чтобы новый план не нарушал закона и прав сторон, не требовал изменений закона, а главное не требовал бы увеличения бюджета по § на почтовые расходы, а напротив сокращал бы уже имеющиеся расходы и облегчал бы работу канцелярии уголовно-кассационного отделения губсуда, освободив милицию от вручения повесток, а главное от отсылки по почте обратных их экземпляров, т.е. опять-таки от почтовых расходов.

Предлагаемый нами план состоит в том, что губсуд на основании статистических данных, имеющихся у него о поступлении дел с кассационными жалобами от нарсудов за прошлое время, составляет календарный план рассмотрения дел в уголовно-кассационном отделении вперед на месяц, на четверть, а может и на год, и прикрепляет каждый нарсуд к определенной дате. Чтобы было ясно, как практически провести в жизнь этот план, мы поделимся своим опытом. Для этого необходимо иметь среднюю цифру поступлений кассационных жалоб в каждый нарсуд. Когда такие цифры для каждого нарсуда будут найдены, следует найти среднюю цифру в месяц для всех участков судов и узнать, сколько дел в среднем ежедневно должно разбирать уголовно-кассационное отделение и эти цифры положить в основание назначения дел.

Итак, если вы нашли, что в среднем от 20 нарсудов поступает в месяц кассационных жалоб по 10, от 30 по 5 и от 30 по 15, то, следовательно, в следующем месяце нужно ожидать 800 дел в уголовно-кассационное отделение. Имея все эти данные, легко число поступлений разбить на рабочие дни, месяца. Возьмем для примера август месяц, имеющий 26 рабочих дней. 800 делится на 26—получается почти 31 дело. Вам есть расчет назначить на один день по 3 участка, от которых поступает по 10 дел, или по 2, из которых поступает по 15. Эти таблички чисел рассылаются по нарсудам, и там нарсудья при приеме кассационной жалобы от стороны тут же объявляет по этой табличке, на какое число назначено дело в кассационной инстанции губсуда, и отбирает второй экземпляр повестки с распиской об объявлении; дело же вместе с кассационной жалобой и вторым экземпляром повестки направляет в губсуд, учитывая при посылке, а главное при объявлении,

чтобы дело могло к указанному числу попасть в губсуд. Если же нарсудья не уверен, что дело может попасть к ближайшему назначенному для этого участка числу, то он переносит его на следующее число. Не нужно смущаться тем, что в некоторые нарсуды поступит кассационных жалоб в месяц более 10, так как в другие поступит меньше, и таким образом общее количество дел на один день будет колебаться от 20 до 30. Этот план даст возможность губсуду освободить канцелярию кассационного отдела от написания труды повесток, от их расписки на места, а следовательно, поведет и к сокращению расходов, равно как освободит и милицию на местах от вручения повесток и отсылки обратных экземпляров, избавив ту же милицию от расходов на почтовую пересылку повесток в губсуд. Для канцелярии же нарсудов не составит никакой абсолютно трудности отобрать от пришедших сторон 10—15 расписок в месяц о вручении повестки с извещением о дне слушания дела в губсуде.

Для удобства губсуд имеющиеся в его распоряжении обыкновенно отпечатанные бланки повесток может просто распределить на все нарсуды.

Помимо указанных при проведении рекомендуемого нами плана есть и другие положительные моменты. Стороны, подающие кассационные жалобы в свой районный суд, тут же узнают о дне слушания дела в губсуде, и это особенно важно для крестьянина, связанного сезонными работами, который в зависимости от срока и будет устраивать все свои домашние дела таким образом, чтобы ко дню слушания дела в кассационной инстанции выехать и присутствовать при разборе дела. Важно и то, что стороны месяцами не будут находиться в состоянии томительного ожидания повестки и не будут по этому вопросу обращаться со справками в нарсуды. Дела же в губсуде будут разрешаться без отложения их или будут откладываться только в случае ходатайства сторон.

Заранее можно предвидеть, что у работников губсудов при разработке такого плана неизбежно встанет ряд практических вопросов. Во-первых, спрашивается, как быть нарсудье в том случае, когда кассационная жалоба поступит в канцелярию нарсуда по почте,—ответ прост: объявить через милицию, так как в своем районе нарсудья гораздо быстрее получит обратный экземпляр повестки, да-

же через ту же милицию, которая при этом не несет никаких расходов. Кроме того, из практики видно, что подобные случаи бывают очень редко. Для того, чтобы тяжущиеся привыкли к такого рода назначению губсудом дел, можно в канцелярии нарсуда вывесить объявление, или же, что еще проще, секретарь или нарсудья после вынесения приговора может объявлять об этом для сведения сторонам. Второе недоумение, могущее быть в практике, это, как поступать, когда кассационная жалоба поступает непосредственно в губсуд. На практике это разрешается так: если кассационный срок не пропущен, дело назначается к слушанию и повестки посылаются самим губсудом, если пропущен—отослать в нарсуд, предложив указанный выше порядок. Опыт показал, что такие жалобы поступают в губсуд единицами и то такие, по которым пропущен срок на обжалование. Наконец, последнее недоумение, как поступить нарсуду, когда сторона присылает жалобу из дома заключения,—вопрос этот разрешается двояко, или сам нарсудья объявляет имеющимися у него средствами, или же такой же план по каждому участку вручается и кам домов заключения, которые и будут отбирать расписки об объявлении стороне о дне слушания дела и направлять расписку с жалобой в нарсуд.

Вот все более или менее существенные недоумения, которые могут возникнуть при плановом назначении дел к слушанию и новом порядке вручения повесток сторонам. Нами этот план проведен в Саратовской губернии в жизнь в начале 1925 года и до написания настоящих строк не вызвал ни одного нарекания ни от сторон, ни от нарсудов. Наоборот, с мест было получено много одобрительных отзывов о целесообразности такого порядка. Недавно закончившийся Саратовский губернский съезд работников юстиции единогласно принял этот план. Цель нашей статьи поделиться опытом с другими губсудами и рекомендовать уже испытанный на практике порядок, который избавит кассационные инстанции от загрузки делами, уменьшит работу канцелярий губсудов и приблизит момент наказания к моменту совершения преступления, а отсюда избавит губсуд и от справедливых нареканий в волоките, приблизит суд к широким трудящимся массам города и деревни.

М. Дроздов.

Военное судовстроительство^{*)}.

Почти закончившаяся реорганизация военных трибуналов и военной прокуратуры прошла как-то молчком, не только без печатной дискуссии, но и в повестке февральского всесоюзного совещания военно-судебных работников вопрос о ней проскользнул как-то мимоходом и таспех. В конце концов она свелась к некоторому штатному сокращению — очень незначительному и увеличению числа дивизионных судучреждений за счет корпусных. Все предорганизационные споры не выходя из узко-ведомственных рамок и вертелись в большинстве случаев вокруг мелочей. Ни началь-

ствующий состав, в особенности с низов, ни общегосударские судебные учреждения—в обсуждение военно-судебной реформы, можно считать, не вступали. и поэтому, мне кажется, своевременным этот в существе своем неразрешенный вопрос, выдвинуть на широкое обсуждение, тем более, что проведенная реорганизация не внесла в наши неувязки достаточной ясности. Прежде всего—кардинальный вопрос, нужны ли военно-судебные учреждения? Бесспорно, да. Но ни в какой мере военный три-

^{*)} Печатается в дискуссионном порядке. Редакция.

бунал не должен расширять свою подсудность за рамки военных преступлений. Всяким разговорам о расширении подсудности должен быть решительно положен конец. Военные трибуналы, начиная от окружного и ниже, в настоящее время ничем решительно в своей работе друг от друга не разнятся. Практика заставила гораздо раньше, чем это было закреплено формальным порядком, привлекать в судебные заседания военных заседателей из комполитсостава Армии. Военные трибуналы в среднем разбирают десятка два дел в месяц, в подавляющем большинстве дел не громоздких и ясных; в этом и состоит вся их работа. Нужно ли доказывать, что в данных условиях все военные трибуналы, как капля на каплю воды, похожи на народные суды? Совершенно неправильно приравнять военные трибуналы к губсудам; а это формальное приравнивание при применении процессуальных норм создает громадную путаницу, в особенности тогда, когда речь идет о штатах военных трибуналов. По-моему в том только и разница военного трибунала от нарсуда, что первый имеет чуть ли не в 10 раз больший штат и во столько же раз меньше работы, чем второй. Если бы пересадить народного судью в помещение трибунала, он бы один, после своей гражданской нагрузки, великолепно справился бы со всей трибунальской работой. Когда мы, военные работники и даже трибунальские работники, ругаем нарсуды за маринровку дел о военнослужащих, все мы упорно не хотим учесть разницы в обстановке работы трибунала и народного судьи. Я полагаю, во избежание всякой дальнейшей путаницы в терминологии, давно своевременным заменить слово «военный трибунал» просто «военным судом», на все 100% в существе своем приравненным к нарсуду, лишь с незначительно упрощенными процессуальными правилами. Теперь о реорганизации, уже проведенной по существу. У нас спор вертелся вокруг того, что лучше—дивизионные военные трибуналы или корпусные военные трибуналы. Спор совершенно беспочвенный: и корпусный и дивизионный военные трибуналы совершенно одинаковы в своей работе и оба обслуживают определенные территориальные участки со всем, что на этих участках военного находится (части, склады, учреждения, заведения и проч.); одни участки неимоверно большие в несколько губерний, другие просто очень большие; одни участки чрезвычайно насыщены войсковыми соединениями, другие меньше. Само собой разумеется, при такой постановке вопроса ясно, что чем меньше участок, тем лучше суд справится со своей работой и ближе станет к массе. Однако и дивизионные участки, и даже если бы мы целиком перешли на дивизионную систему (что мы не можем сделать, ибо этим мы не сократили, а раздули бы штаты), не разрешили бы вопроса, так как в радиусе они имели бы десятки, а то и сотни верст. Значит соль реформы не здесь. Если быть последовательным, нужно сразу поставить вопрос о полковых военных трибуналах, работа которых также решительно ничем не будет отличаться от работы дивизионных и окружных военных трибуналов. Я к этому и веду

речь, но считаю название «полковой суд» неправильным. Решается вопрос системы вот этих самых военных судов со штатом, равным штату народного суда, т. е. не больше трех—судья, секретарь и шифроводитель, которые учреждаются во всяком крупном гарнизоне и именуется не по названию части, а просто военным судом такого-то гарнизона или, верней, такого-то участка. На московское совещание военно-судебных работников и была представлена такая точка зрения, с той только разницей, что военные судьи назывались уполномоченными окружного военного трибунала. Всем понятно, что гораздо лучше из дивизионного трибунала с коллегией в 3 чел. сделать три по меньшей мере таких военных суда, не увеличивая для этого уже данную штатную норму. Вопрос о персональной подсудности—дело пустое, так как старший вышший начальствующий состав судится достаточно редко. Я полагаю, что такой военный суд, обслуживающий определенный военный гарнизон или участок, может судить военнослужащих до помощника командира полка включительно. Хороший судья, выдвинутый из приспособленных членов коллегии военного трибунала, совершенно не зависимый от местного командования и не подчиненный ему, с достаточно квалифицированными военными заседателями из начальствующего состава, вполне сможет разобраться и правильно направить дело. Я уверен, что число этих военных судов будет не столь значительно, как кажется это на первый взгляд, и во всяком случае их будет не больше, чем число членов коллегий всех военных трибуналов в данное время. Мне могут возразить, что такой военный судья не сможет установить постоянной связи с командиром корпуса или с командиром дивизии, если он будет работать не в месте расположения соответствующего штаба. Я думаю, что от этого особой беды не будет, для этого достаточно указать на работу тех же самых народных судей, от которых никто не требует обязательной связи, скажем, с губисполкомом. Вполне достаточным будет, если этот военный судья установит связь с начальствующей верхушкой того гарнизона, в котором он работает. Я считаю, что только эти военные суды, к которым мы рано или поздно неминуемо придем, разрешат задачу. Организация такого суда и его маневрирование чрезвычайно несложно, а это приходится иметь в виду при территориальных сборах, лагсборах и проч. Не будет разговоров и о выездных сессиях, командировочных расходах и проч., не нужно будет помещений, караульных команд и т. п.. Так я мыслю себе первую и основную ступень военного судостроительства. Второй ступенью должен явиться окружной военный суд, который мною предполагается не как прежний военный трибунал, ничем по существу не отличающийся от военных трибуналов всех других степеней, а с вполне точной физиономией и работой. Этот окружной военный суд должен быть действительно приравнен к губсуду. А это значит, что он разбирает дела военной подсудности всех начальствующих лиц, начиная от комполка и выше, а главное, он является руководящим и отвечающим за работу всех военных

судов округа центром. Штат такого военного суда будет очень большой, и вот почему: прежде всего, в штаты окружного военного суда будут включены все военные следователи, в том числе и человека 2—3 старших, которые будут работать при самом окружном суде, все же остальные военследователи будут разбросаны по участкам и будут обслуживать соответствующие местные военные суды. Число этих следователей, во всяком случае, должно быть не меньше, чем в настоящее время. Далее — окружной военный суд, как руководящий центр (а военный трибунал им раньше не был), держит в своих штатах и снабжает всем необходимым всех военных судей на местах и их аппарат, имеет действительно работающую инструкторскую часть и инструкторов (а не мертвый придаток под этим же названием, который был в военном трибунале и ничего не делал). Наконец, окружной военный суд, по аналогии с губсудом, является для всех местных военных судов округа кассационной инстанцией. Это не страшно. Наконец, уж если совсем ставить крест над кастовой замкнутостью, то в состав его кассационного отдела можно включить пражданского судработника. Кстати, и в военных судах вполне допустимо привлекать в качестве народных заседателей не только военнослужащих, но и лиц невоенных. Вот в общих чертах схема военных судов округа и ниже. Для очень крупных городов, как-то: Москвы, Ленинграда, Харькова, можно учредить отделы окружных военных судов с незначительными штатами, немного более расширенными, чем штаты местных провинциальных военных судов. Эта реформа, во-первых, не приводит к разбуханию штатов и значительно сокращает расходы, которые необходимы теперь, и, главное, действительно приближает суд к массе. Кассационной инстанцией для окружного военного суда должна остаться попрежнему коллегия местного Верховного Суда. Всякие разговоры о том, чтобы кассационной инстанцией для всех судов была бы Военная Коллегия Верховного Суда, надо бросит главным образом потому, что этот вопрос органически связан с расширением подсудности военных судов. Я еще раз подчеркиваю, что ни о каком расширении подсудности военных судов речи быть не может. Теперь о военной прокуратуре. Раньше всего надо твердо себе усвоить, что военная прокуратура и военный суд — вещи совершенно различные, что привязывать военную прокуратуру так или иначе в ее организационном строении к военным трибуналам, как почему-то это делают в настоящее время, неправильно, и вот почему. Прокуратура, помимо своей области судебно-следственной, имеет еще и такую, которая к суду отношения имеет достаточно мало. Эта область — общий надзор, если не главная, то, во всяком случае, равна первой. Я полагаю, что при реорганизации военной прокуратуры должны быть приняты во внимание возможность фактического осуществления общего надзора, а не только обязанностей в области судебно-следственной. Поэтому схема строения прокуратуры мне рисуется в таком виде: прокурор имеется при каждой дивизии и именуется младшим помощником прокурора окру-

га — с самым маленьким техническим штатом, не больше, чем сейчас. Я думаю, что, как правило, в дивизии должен быть 1 прокурор без всяких помощников. Кроме своей непосредственно прокурорской работы по дивизии, этот дивизионный прокурор также обслуживает в судебно-следственном отношении и известный участок. Взаимоотношения его с военными судами точно такие же, как и помощника губернского прокурора с нарсудами; в частности, дивизионный прокурор организует на своем участке общественное обвинение, подбирая для этой цели военнослужащих всех степеней. В случае большой насыщенности участка войсковыми соединениями, а следовательно, и сравнительно большим числом следователей и военных судов, в дивизии могут быть и 2 прокурора из окружного резерва (впрочем, — это редкое явление). В корпусе также должен находиться прокурор, именуемый старшим помощником прокурора округа, руководящий работой своих дивизионных прокуроров, держащий связь со всей корпусной верхушкой, которая через него имеет связь и по линии суда. Корпусный прокурор, главным образом, ведет работу по общему надзору. Прокурор округа имеет по прежнему чрезвычайно маленький штат, увеличенный разве только третьим помощником по кассационному отделу окружного военного суда. Это система не вызывает особых расходов. Твердые рамки военной подсудности я связываю с теми ответственными задачами, которые возложены на военную прокуратуру, как например, учет всей преступности в Армии и направление политики применения мер социальной защиты. Это требует пояснения, приходится начинать издалека. Практика показала, что все правонарушения в подавляющем большинстве — свыше 90 %, обнаруживаются самой частью. Обычно, командир части, направляя прокурору дознание, — а в новых условиях дознание пойдет через следователя, — является главным источником обнаружения и раскрытия преступления. В наших военных условиях дознание, его исчерпывающая полнота и быстрота движения приобретают особо важное значение. Задача прокуратуры вместе со следователями и в особенности с начальствующим составом — это дознание поставить по-военному: полно и быстро. Я говорю о всех без исключения дознаниях, а не только о дознаниях по воинским преступлениям. Я мыслю себе, что все без исключения дознания, в том числе и не по военной подсудности, идут через следователя по военно-прокурорской линии в таком порядке. Следователь прекращает или принимает к своему производству дела только военной подсудности, и только абсолютно бесспорные дознания непосредственно направляет соответствующему участковому гражданскому прокурору. Все остальные он продвигает до своего прокурора, и последний согласованно с политорганами в нужных случаях передает по принадлежности в общепражданскую подсудность. Момент передачи дознания следователю, в суд или прекращение его — это важнейший узел в области применения мер социальной защиты. В этом моменте кровно заинтересована вся Армия, и в этом, я считаю, особый смысл анализа дознаний именно военным прокурором, а не гражданским, который не так знаком

с военными условиями и обстановкой. Кроме того, такой порядок заполняет зловреднейший пробел — отсутствие учета военной преступности и проступков, столь важного для определения политико-морального состояния армейского организма. Самой собой разумеется, перед военным прокурором лежит непосредственная ответственность за быстроту движения уголовных дел не только военной, но и общегражданской подсудности. В этом моменте основной практический стык связи военного прокурора с гражданским, который наиболее яркое выражение должен найти в территориальных частях, во всем нашем территориальном строительстве и, в частности, на терсборах. Вот почему, не расширяя военную подсудность, я в этом своем проекте порядка движения дознаний вижу путь к строгому и полному учету

преступности и к согласованию практики применения мер социальной защиты руководящего костяка армии с военно-судебными установлениями.

Должен оговорить, что предлагаемая мною реформа военных трибуналов и военной прокуратуры предполагает стационарное состояние армии, о разворачивании этой системы военных судов в случае военных действий я говорю особо. Кстати, теперешняя конструкция военных трибуналов и военной прокуратуры именно приспособлена для действующей армии и не рассчитана на мирное положение. В этом ее основной недостаток, ибо нет такого военного учреждения, которое без всяких изменений способно было бы отчетливо работать и в «сложной» мирной и в боевой обстановке.

Д. Ветлужский.

Прокуратура на Дальнем Востоке.

(По данным ревизии).

После годового периода центральной прокуратурой была произведена повторная ревизия работы прокуратур на Дальнем Востоке. Приятие нами личного участия в обеих ревизиях дает возможность не только остановиться на основных моментах достижений и недочетов работы таковой, но и провести сравнение работы этих прокуратур, развернутой в настоящее время, по отношению к работе, бывшей год тому назад.

В личном составе прокуратуры по области за истекший год произошли значительные изменения в лучшую сторону. Так, если на 1-ое июля 1924 года членов партии было 78%, то в настоящее время мы имеем 86%, число рабочих увеличилось с 22% до 36%, крестьян в прошлом году в аппарате прокуратуры совершенно не было, а в настоящее время их имеется 8%.

Подбор надлежащего прокурорского состава, к настоящему времени еще не закончившийся, вызвал необходимость массовых изменений личного состава прокурорского надзора. За годовой период в Забайкалье было вновь назначено 9 человек, отозвано 6, переброшено 4, в Приморье вновь назначено 10 человек, отозвано 7, переброшено 6, в Амуре назначено 9, отозвано 6, переброшено 6 человек. Несомненно, такие массовые переброски должны были отрицательно отразиться на работе прокурорского надзора, но, конечно, остановиться перед ними было нельзя, так как в конце концов нужно подобрать такой аппарат прокуратуры, который бы мог успешно проводить стоящие чрезвычайно сложные перед ней задачи. В подборе личного состава мы имеем помимо приведенных выше соображений формального порядка и достижения по существу, так как в аппарате прокурорского надзора в данное время есть несколько человек выдвиженцев-рабочих, не без успеха проводящих работу, кроме того несколько человек из крестьянской среды.

Вторым фактором, влияющим на работу прокуратуры, является малый штат ее, по сравнению с прокуратурами центральной России. По штатам, преподанным центральной прокуратурой в 1923 году (включая и технических работников), в Забайкалье назначен штат в 43 человека, Дальневосточной таковой утвержден в 33 единицы, в Приморье вместо 45 человек — 30, в Амуре вместо 34 — 28 человек. Это привело к тому, что в ряде уездов имеется лишь 1 помпрокурора

и секретарь, что поставило эти прокуратуры в крайне тяжелые условия работы, когда даже такая работа, как разноска корреспонденции, легла или на секретаря, или даже на самого помпрокурора.

Институт общественных обвинителей, как установлено ревизией 1924 года, получил такой уклон, что в качестве общественных обвинителей привлекались обычно ответственные работники для самостоятельных без прокурора выступлений, служа как бы подсобным кадром к прокуратуре для выступлений в судах. В истекшем году это направление, хотя и было изменено, но также в неудовлетворительную сторону: ответственные работники выступали мало, но зато и выступлений рабочих почти не было. Но наряду с этим можно отметить следующие достижения. По Амурской губернии велись с общественными обвинителями систематические занятия прокуратурой, получившие форму курсов. В результате, хотя слушатели в качестве общественных обвинителей почти и не выступали, прокуратура получила от этого состава двух помпрокурора рабочих, затем этой же прокуратурой была установлена связь с женотделами, которыми командировались для выступлений в судах женщины-делегатки, и таких выступлений уже было 14.

Использование местной прессы прокуратурой до ревизии 1924 г. почти совершенно не было. Теперь же мы имеем в этом направлении значительный сдвиг. По Забайкалью за 2-ое полугодие 1924 года помещено 17 статей по Амуре 18, по Приморью за этот год 6 статей.

Кроме того, по Забайкальской и Амурской прокуратурам совместно с нач. ГОПУ, предгубисполкома выпущено по 3—4 печатных обращений к работникам пограничных частей, милиции, розыска, к крестьянам и рабочим по вопросам проведения строгих начал революционной законности. Эти обращения были широко распространены, в частности, вывешены в избах-читальнях, сельсоветах, ВИК'ах.

Если ревизией 1924 года было установлено, что за год в Забайкалье было 21 выступление на широких рабочих собраниях, в Приморье 2, то за истекший год в этой области мы имеем повсюду значительное улучшение работы, при чем выступления прокуратуры по правовым вопросам теперь перенесены и на крестьянские сходы. Напр., по Забайкалью (управление губпрокуратуры) на крестьянских сходах в про-

шлом году сделано 18 докладов, за первое полугодие этого года—12, по Амуру—30 докладов, ряд докладов сделан и участковыми помпрокурора. Более слабо развернута работа эта со стороны работников управления губпрокуратуры Приморья. Конечно, в этой области мы еще не имеем тех достижений, которые имеются в ряде губерний центральной России, в частности в Орловской губернии, о чем мы писали в особой статье, но сдвиг есть, работа ширится. Промадность территории, слабая населенность края, отсутствие нормальных путей сообщения служат значительным препятствием к особо широкому развертыванию этой работы.

Вопрос о правовой пропаганде в деревне достаточно широко освещен в «Еженедельнике Советской Юстиции». Помпрокурами, поставившими широко практический этот вопрос, являются нижегородские товарищи. Пока такого положения, какое мы имеем, в частности, в Нижнем, на Дальнем Востоке, нет. Сделаны лишь кое-где попытки организации юридической помощи крестьянству, но только попытки, то там, то здесь кружки при избах-читальнях начинают организовываться, кое-где распались, в других местах закрепляются, учета результатов работы, широкого ее развертывания нет. В большинстве случаев юридическая помощь ведется коллегиями защитников, но явно недостаточная. В городах при профсоюзах, при домах крестьянина консультации, хотя и не везде, но организованы. Как уже выше мы указывали, на Дальнем Востоке имеется ряд затруднений технического свойства, мешающие развитию работы прокуратуры в деревне, но тем не менее и здесь работа проведена. Выездов ее в деревни, например, по Приморью было 15, при чем посещено около 50 сел, по Амуру более 30, один помпрокурор по П. Заводскому уезду провел в деревне более месяца и т. д.

Уже при ревизии 1924 года нами было отмечено значительная работа прокуратуры в области общего надзора: наличие предварительного согласования издаваемых постановлений, просмотр протокольных и обязательных постановлений низовых органов власти, участие на совещаниях юрис-консультов, уделение значительного, особенно в Приморьи, внимания жалобам и заявлениям граждан. В настоящее время, имея такое же положение в этих частях работы, ревизия в то же время отметила несколько существенных недочетов в работе по общему надзору. Одним из главных, основных вопросов—это вопрос о границах прокурорской работы по общему надзору. На последнем совещании прокуроров при Центральной Прокуратуре этому вопросу было уделено много внимания. Здесь тов. Крыленко приводил примеры уродливости практического направления на местах этой работы. В Забайкалье нами установлен ряд случаев, когда обследовавшие прокуратурой низовых органов приняло совершенно неподходящую форму: при обследовании фиксирование в актах состояний денежных книг, делопроизводства в ВИК'ах, сельсоветах, о том, что в фельдшерском пункте отсутствует слуховая трубка, кровососные банки, о том, что на щипцах для удаления зубов имеется на копечностях ржавчина, о том, что хранящиеся в банке зубы по определению помпрокурора были удалены, видимо, в здоровом виде, тогда как до удаления их, якобы, надлежало принять ряд мер, в виде массажа десен и пр. Производя обследования хозяйств, например, работу горного смотрителя, помпрокурора помимо обследования вопроса о нотариальном засвидетельствовании договоров, касался и вопроса о целесообразности заключения договоров в части неустойки, указывая одновременно в акте как надлежало бы делать: «в последующие разы неустойки по векселям, как отдельные пункты в договоры включать нет надобности, и при определении неустойки с кем-либо по заключении договора необходимо указывать лишь сумму и случаи, в коих неустойки взыскиваются». Далее этот же помпрокурор в акте указывает, что работа горного смотрителя

проходит без всяких заминков, что он руководит делом достаточно. Обследования прокуратуры коснулись ряда хозяйственных и, в частности, кооперативных органов, также с уклоном обследования их хозяйственной деятельности. Материалы вышесказанного совещания ясно определяют роль в этой области прокуратуры—однообразная повсеместная перестройка этой работы задача несложная, очередная.

Наложение штрафов на утайщиков объектов обложения по Забайкалью прошло также ненормально. Например, средний штраф на одного утайщика по одной из волостей на среднем пришлось по 47 руб., по другой по 26 р. Тем не менее сравнительный классовый принцип при наложении административных взысканий проводился: от изулака к бедняку они идут в убывающей прогрессии.

Административные взыскания на нарушителей обязательных постановлений значительно снизились в 1-й половине 1925 г. по сравнению со 2-й половиной 1924 года. Нечелесообразные штрафы, хотя и бывали за прошлое время, но не так часто. Высшими органами по получению жалоб они отменялись.

Прокуратура приняла участие при проведении налоговой кампании.

Более слабо ее участие при производстве последних перебирывов в советы, она ограничилась почти исключительно персональным участием в этой кампании.

Рабкоровское движение на Дальнем Востоке носит безусловно широкие размеры. Их заметок через Забайкальскую прокуратуру прошло за 1924 год 670, за 1-ое полугодие 1925 г.—331, по Приморью за 1925 г. 111, по Амуру—133. Уже во времени ревизии по Забайкалью подтвердилось исследованием 316 заметок. Существенным недочетом в работе прокуратуры в этой области является в некоторых случаях крайняя медленность в расследовании. Так, по Забайкалью к моменту ревизии оставался неизвестным результат по заметкам, начатым производством еще в 1924 г. по 77, по Амуру по 33.

О направлении газетных заметок редакция газеты обычно ставится в известность. Несколько хуже поставлено дело с извещением о конечном результате по ним. Поставить в известность общественность и рабкора о том, какую кару понес тот или иной гражданин за совершенное преступление, имело бы большее значение, чем извещение о направлении заметки в милицию на расследование, хотя и последнее на ряду с первым имеет значение. На происходящих рабкоровских и селькоровских собраниях, конференциях прокурор обычно присутствует. За ревизионный период каждой из губпрокуратур было сделано на таких собраниях по 3—4 доклада.

Наблюдение за компосом и за земкомиссиями по всей области поставлено недостаточно полно. Обследований этих органов в губернских центрах почти не производилось. Выступлений прокуратуры по земельным делам в порядке ст. 2 ГПК не практиковалось. Правда, земельные дела на Дальнем Востоке не имеют того значения, как в центральной России.

Касаясь общего надзора, мы остановимся еще на одном вопросе, который, по нашему мнению, является несомненно важным. Если еще полгода—год тому назад строго ревизию просмотреть десятков, другой протоколов, особенно низовых органов власти (ВИК'ов, сельсоветов, даже УИК'ов), как сразу обнаруживалось наличие ряда незаконных постановлений, то в настоящее время мы такого положения уже не имеем. Незаконные постановления при просмотре протокольных постановлений встречаются не так уже часто. Но в то время, когда прокуратура, или специальные комиссии ГИК'а выезжают на места в сельские или волостные центры, то таковое наличие незаконных повинностей, сборов в своих ак-

тах фиксируют. Встречаются дежурства при сельсоветах, ВКЖ'ах крестьян, их подвод, заготовка, доставка дров для учреждений и т. п., проводимых в принудительном порядке. Из этого мы делаем вывод, что в данное время работа прокурорского надзора по проведению законности в деревне не должна ограничиваться лишь просмотром протокольных постановлений пизовых органов власти, а ей необходимо непосредственно спускаться в деревню, где личным опросом крестьян, осмотром соответствующих документов выявлять степень фактического проведения революционной законности.

При ревизии 1924 года нами было отмечено особое внимание прокурорского надзора местам заключения, особенно вопросу снижения количества следственных по отношению к срочным. В прошлом году был такой период, когда количество следственных превосходило количество всех срочных, находящихся в местах заключения на Дальнем Востоке. Громадными усилиями прокуратуры и других органов удалось это положение уже к прошлой ревизии значительно изменить. В данное время мы имеем в процентном отношении по Забайкалью 23% следственных из общего числа заключенных, в Амуре 19% и лишь в Приморье 53%. В отношении последней губернии прокуратуре предстоит проделать большую работу, памятуя, что снижение количества следственных к срочным зиждется на том, что эта категория заключенных краткосрочно содержится до суда, иначе говоря, момент репрессии приближается к моменту совершения преступления.

Пока остается в Амурской губернии непроведенным достаточно полно вопрос с размещением заключенных по камерам. В одной камере можно найти и бандита, осужденного на 10 лет со строгой изоляцией, и крестьянина, осужденного на малый срок за незначительное преступление. Но особенно неблагоприятным для этой губернии стоит вопрос с проведением классовой линии в карательной политике. Ревизией обнаружены случаи, когда нетрудовой элемент пользовался рядом льгот, отпусками, ночевкой на дому, зачетом рабочих дней, досрочным освобождением.

Культурно-просветительная работа среди заключенных ведется повсеместно. Бани, прогулки им предоставляются. Перепопнения мест заключения, в связи с отпуском на летние работы ряда заключенных, нет.

По нашему мнению, прокурорскому надзору при посещениях домов заключения, нужно будет, помимо обхода и опроса заключенных, уделять внимание осмотру личных их дел, осмотру производства по досрочному освобождению, о краткосрочных отпусках, вообще выяснять, кому именно предоставляются те или другие льготы. Это даст возможность быстро изжить отмеченные ревизией недочеты.

Прокуратура попрежнему и в этом году работе милиции и угрозыска уделяла большое внимание, в первую очередь по поднятию квалификации работников таковых. Так, в г. Чите помпрокурора прочитан полный курс уголовного права в школе милиции совместно и кроме того милицейским работникам, не входящим в школу—18 лекций, агентам угрозыска—12 лекций. Обучение велось и в Приморье и на Амуре.

При осмотре наличных дознаний ревизией обнаружено лишь нарушение ст. 106 УПК. Все же прочие ст. УПК органами дознания выполняются, во всяком случае, в губернских городах. Нарушение ст. 105 УПК, т.-е. ведение дознания сверх месячного срока может быть отнесено лишь к периферии, где наличие очень часто одного милиционера на волесть при громадности территории, отсутствие достаточных средств, нормальных путей сообщений мешает выполнению установленного законом срока на ведение дознания.

Процент раскрытия преступлений по данным уголовных розысков велик. Так, по Забайкалью он выражается в среднем в 65%, по Приморью в 59%, по Амуре 61%. Ясно, что

здесь известный корректив к снижению нужно внести, но все же, судя и по другим данным, работа по раскрытию преступлений на Дальнем Востоке идет неплохо.

Ст. 105 УПК в новой редакции пока полностью в жизнь не проведена. Пока лишь в некоторые участки следователей направляются дела, в остальных же случаях попрежнему в прокуратуру. Замедление в передаче дознаний следователям вызвано желанием прежде разгрузить следователей от своих старых дел.

По следствию прежде всего необходимо отметить громадное снижение остатков дел у следователей. По Забайкалью на 1 января 1924 года оставалось в производстве народных следователей 1345 дел, на 1 января 25 года 903, на 1 июня 25 г. 400 д., по Амуре на 1 января 24 г. 93 дела, на 1 января 25 г. 1010, на 1 июня 25 г. 594 дела, по Приморью на 1 января 24 г. 207 дел, на 1 января 25 г. 1150, на 1 июня 25 г. 489 д. Таким образом, на 1 июня в среднем на одного следователя уже приходилось около 40 дел тогда, когда год тому назад оно было более сотни, а для отдельных участков иногда и по несколько сот. Правда, частичная разгрузка произведена за счет ст. 4а УПК. Например, по одной Приморской губернии, примерно, 450 дел прекращено в порядке этой статьи. Но, оценивая этот факт, необходимо учесть, что действительно по целому ряду дел ведение следствия за их давностью и ничтожностью потеряло всякий смысл. А нахождение их на остатках обрекло их или на дальнейшее лежание без движения, или на бессмысленное направление. Теперь поле для нормальной работы следственному аппарату расчищено. Необходимо его использовать дальнейшим подбором подходящего личного состава, могущего нормально вести серьезное следственное дело. В прошлом в работе следователей были существенные недочеты. Настолько плохо проводилось следствие, что массы дел прокуратура после просмотра вынуждена была возвращать для исследования. Так, по Приморью процент возвращаемых дел следующий: июнь м-ц 24 года—27%, июль—37%, август—28%, в 1925 г. по отдельным месяцам 15%, 19%, по Амуре по отдельным месяцам 24 года—20%, 23%, за 25 год за 1-й квартал в среднем 15%, за 2-й квартал—8%. Этого мало, по Амуре, кроме того, около 40% представляемых в прокуратуру обвинительных заключений подвергаются переработке.

Из этих цифр совершенно очевидно, какую громадную работу проделывает прокуратура в области следствия, при том накладную работу, которой бы при достаточной квалификации следственного аппарата не было. Кроме того, такая перегонка дел существенно задерживает приближение репрессии к моменту совершения преступления.

Вопрос укрепления следственного аппарата на Дальнем Востоке—ближайшая неотложная задача.

Хотя совершенно твердо установлено, что присутствие прокурора на пленуме губернского суда является обязательным, что это есть работа личная губпрокурора или при невозможности личного присутствия работа его заместителя, тем не менее установлено, что за истекший год имели место, правда, единичные пропуски участия прокуратуры в пленумах губсуда, командирование для участия в таковых помпрокурора. Так, по Забайкалью за 1924 год с участием заместителя губпрокурора прошло 10 пленумов, помпрокурора, включая и беспартийных—3, за 1925 г. с участием помпрокурора 1, а всего без прокуратуры за весь ревизионный период прошло 3 пленума. По Приморью с участием помпрокурора прошло 5 пленумов, без участия прокуратуры 1.

Распорядительные заседания губсуда прокуратурой посещаются регулярно. Обращено внимание на большое количество несогласий распорядительных заседаний с заключе-

нием прокуратуры. Например, по Приморью из осмотра 43 протоколов распорядительных заседаний было 27 случаев несогласия с прокуратурой, по Амуру из представленных в губсуд 1014 дел в порядке ст.ст. 228 и 229 УПК, распорядительное заседание постановило пересоставить обвинительных заключений 20, прекратить дела и направить в порядке ст. 229 УПК—49, направить по подсудности 28, возвратить к доследованию 32, направить в административном порядке 8, в дисциплинарном порядке 14, изменить квалификацию по 8 делам. Таким образом, случаев несогласия с прокуратурой было 157, т.е. 15½% общего количества направленных прокуратурой дел, по Забайкалью, за 2-ое полугодие 1924 года случаев несогласия с прокуратурой распорядительных заседаний было 31, за этот год только 4.

Приведенные данные особенно по Амуру указывали на необходимость со стороны прокуратуры серьезного внимания на эту сторону работы.

Работе уголовно-судебных отделений прокуратурой уделено достаточное внимание. Участие ее в судебных заседаниях достаточное. То же можно сказать и о работе в уголовно-кассационных отделениях. Участие ее в заседаниях последних регулярное. Как и при прошлой ревизии, так и при настоящей приходится отмечать слабость участия прокуратуры в гражданском процессе. В гражданско-кассационном отделении прокуратура по Забайкалью в 1924 г. из 451 дела участвовала по 40 делам, в 1925 г. из 163 д. по 11, по Приморью из 406—по 7 делам, по Амуру из 298—по 22 делам, по гражданско-судебному отделению по Забайкалью за 1924 г. из 105 дел по 23, за 25 г. из 33 дел по 1, по Приморью из 74 дел по 4, по Амуру из 36 дел

по 8 делам. Просмотром же списков дел, прошедших в этих отделениях без участия прокуратуры, видно, что в ряде их затрагивались или интересы государства, или трудящихся.

Совещания по борьбе с преступностью надлежащего развития на Дальнем Востоке не получили.

В составе областной прокуратуры имеется обласпрокурор, его заместитель и заведывающий общим надзором, а также небольшой технический состав работников. Правда, работа ее по масштабу не та, которая теперь ведется на Северном Кавказе и на Урале, где уже проведено районирование и где на местах имеются не губпрокуратуры, а старшие помпрокурора, но тем не менее работа для такого маленького штата, какой имеется на Дальнем Востоке, хорошая. Необходимо вести работу по обслуживанию всех областных органов, по руководству работой трех губернских прокуратур, входящих в состав ДВО. Областная прокуратура за ревизионный период успела провести ревизии Забайкальской и Амурской прокуратур, провести там совещания с прокуратурами в губернском масштабе, наконец, провести областное совещание прокуроров и предгубсудов.

Широкая практика товарищеских писем оказала содействие установлению тесной связи между областной и губернскими прокуратурами.

Осуществление общего надзора за областными органами поставлено удовлетворительно.

Истекающий год работы прокуратуры в ряде областей имеет достижения, но на ряду с этим попрежнему остаются и в некоторых областях недостатки. Устранение их—задача ближайшего времени.

Мих. Кожевников.

Обзор советского законодательства с 17-го по 23-е августа 1925 года.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА С.С.Р.

1. Постановление ЦИК и СНК СССР от 14 августа с/г. об изменении ст. 14 постановления ЦИК и СНК СССР о порядке опубликования законов и распоряжений правительства СССР («Изв. ЦИК СССР» от 21 августа, № 189) является весьма важным для органов юстиции. Содержащие его сведения к тому, что номера «Собрания Законов и Распоряжений Раб.-Кр. Нар.пр.т. Союза ССР» немедленно по выходе в свет рассылаются по всем органам, предусмотренным ст.ст. 14 постановления от 22 авг. 1924 г. («С.З.» 24 г. № 1) ст. 71), также по все судебные органы и органы прокуратуры. Таким образом, все судебные органы и органы прокуратуры с 1 января 1926 г., с какого времени вступает в силу это постановление, будут полностью обеспечены указанным изданием, заключающим в себе все текущее законодательство Союза ССР.

2. Изданное на основании ст. 32 положения о едином сел.-хоз. нашего постановления СНК СССР от 28 июля с. г. о порядке использования премиальных фондов, предусмотренных ст. 32 положения о едином сел.-хоз. нашего на 1925—1926 г. («Изв. ЦИК СССР» от 18 авг. № 186) устанавливает, что эти фонды распределяются СНКомам союзных республик по представляемым наркомземами планам распределения и использования фондов по отдельным административно-территориальным единицам. Наркомфинны союзных республик, по мере поступления сельхозналога, перечисляют

фонды в распоряжение соответствующих местных органов. Премируется массовый чистосортный посев, применение тракторов, электростанций для сельхозработ, производство мелиоративных улучшений земель, общественная борьба с вредителями, улучшения в области животноводства и т. п. Премии выдаются в денежной форме и натурой (машинны, скот, семена и т. п.). НКЗемы и НКФинны союзных республик должны издать соответствующие инструкции.

3. Распространение тракторов является чрезвычайно важным для поднятия нашего сельского хозяйства. Сто СССР постановлением от 5 августа о трактороснабжении для сельско-хозяйственных надобностей («Изв. ЦИК СССР» от 19 августа № 187) возложил на Центральный сел.-хоз. банк финансирование операций по закупке тракторов трудовым населением с тем, чтобы он использовал для этой цели как свои средства и открываемые ему Госбанком кредиты, так и все назначенные на указанные операции бюджетные ассигнования, которые передаются этому банку. При последнем должно периодически созываться специальное тракторное совещание из представителей наркомземов союзных республик, НКВоеммора, ВСНХ, НКВнутрторга и Наркомвнешторга, организаций, занимающихся покупкой и продажей тракторов и объединений заводов, изготавливающих тракторы. Это совещание должно объединять все заинтересованные в указанном деле организации, устанавливать порядок расчета и т. д. При организации сбыта оно руководится плановыми предположениями НКЗемов союзных республик. Цены на тракторы как внутреннего, так и

иностранного производства установлены твердые (1.800—2.500 руб. и дорожке). Для облегчения трудового населения при покупке тракторов установлена рассрочка на срок в 3 урожая для тракторов внутреннего производства и в два урожая — для иностранных.

4. **Постановление ЦИК и СНК СССР от 19 августа о льготах по семейно-имущественному положению для граждан, призываемых на действительную военную службу** («Изв. ЦИК СССР» от 20 августа, № 188), в основу которого в значительной мере легли изданные ЦИК и СНК СССР правила о льготах по семейному положению, призываемых на действительную военную службу в 1924 г. («С. У.» 1924 г. № 43, ст. 393), устанавливает три разряда этих льгот: 1-й — для единственного в семье трудоспособного члена при трех и более нетрудоспособных, содержащихся на средства призываемого, 2-й — то же при двух или одном нетрудоспособном, 3-й — для трудоспособного члена семьи при наличии еще одного трудоспособного и трех или более нетрудоспособных. Губернским (и соответствующим им) приемным комиссиям предоставлено право, с утверждения реввоенсовета подлежащего округа, предоставлять льготу в исключительных случаях, не подходящих под указанные, если имеющиеся в составе семьи нетрудоспособные остаются без всяких средств. Под семьей разумеется родственно-трудовая общность лиц разных степеней родства, ведущих общее хозяйство или живущих на общие средства, при чем включаются лица, вступившие в семью путем брака или приюта; при определении прав на льготу не считаются члены семьи, уже состоящие на военной службе или в военно-учебных заведениях. Льготами не пользуются лишщенные избирательного права в советы, административно-высланные и уклонившиеся от военной службы путем приписки к себе увечья или другим путем. Не распространяются льготы на окончивших высшие учебные заведения, техникумы, школы 2-й ступени и т. д., проходящих военную службу в порядке, установленном особыми законами («С. У.» 24 г. № 13, ст. 129 и 25 г. № 3, ст. 37). Права на льготу на основании удостоверений о семейном положении, выданных ВИК'ами, сельсоветами, ККОВ, милицией, профорганами и т. п., предоставляются уездными или соответствующими им призывными комиссиями, постановления коих могут быть пересмотрены по жалобам, заявлениям и в порядке надзора призывными губернскими комиссиями, решения которых окончательны. Льготникам действительная военная служба заменяется вневоинским обучением или службой в переменном составе территориальных частей — для первого разряда — во всяком случае, для остальных — в случае лишь достаточного числа лиц для удовлетворения потребности в пополнении Раб.-Кр. Красной Армии, при чем льготники 2-го разряда привлекаются лишь в случае, если рядяк не может быть заполнен безльготными и пользующимися льготой 3-го разряда.

5. В целях своевременного утверждения единого государственного бюджета Союза ССР ЦИК и СНК СССР постановлением от 14 августа о порядке утверждения бюджетов союзных республик на 1925—1926 г. и сроке их представления в СНК СССР («Изв. ЦИК СССР» от 19 августа, № 187) признали возможным, чтобы бюджеты союзных республик на 1925—26 бюджетный год были внесены в СНК СССР к 1 сентября с. г. по утверждению их лишь совнаркомом и президиумами ЦИК'ов союзных республик с тем, чтобы сессиям подлежащих ЦИК'ов был сделан только последующий доклад.

6. **Постановление ЦИК и СНК от 14 августа «об изменении ст.ст. 126, 127 и 128 временного положения о местных финансах»** («Изв. ЦИК СССР» от 23 августа, № 791)

в значительной мере закрепляет в форме общесоюзного закона расширение волостного бюджета как в отношении поступающих доходов, так и возлагаемых на него расходов, проведенное в отношении РСФСР постановлением ВЦИК и СНК от 30 июля с. г., о чем было указано в предыдущем обзоре (№ 31 «Е. С. Ю.», раздел Б, п. 3). Однако, в этом постановлении имеются дополнения, идущие далее постановления ВЦИК от 30 июля: на расходный волостной (районный) бюджет отнесены расходы по доставке почты в пределах волости, расходы по сельскому хозяйству в отношении содержания агрономических и зоотехнических пунктов, в том числе их личного персонала, и некоторые другие. Волисполкомы (райисполкомы) могут получать на покрытие дефицитов дополнительные средства от уездных (окружных) или губернских (областных) исполкомов или ЦИК'ов и СНК автономных республик из имеющихся в их распоряжении субвенционных фондов и фондов регулирования.

Вместе с тем указанное постановление дополняет ст. 126 временного положения о местных финансах в том отношении, что составление волбюджета должно происходить при ближайшем активном участии сельсоветов, при чем наиболее крупным сельсоветам, с особого каждый раз разрешения подлежащего губернского (областного), а в УССР и БССР — окружного, исполкома может быть предоставлено право иметь самостоятельный бюджет. Составление местных, в пределах губернии (области), бюджетов должно производиться с таким расчетом, чтобы все бюджеты в губернском масштабе были утверждены к 1 сентября.

7. **Постановление СНК СССР от 28 июня («Изв. ЦИК СССР» от 18 августа, № 186) об упрощении порядка регистрации трестов, находящихся в управлении местных органов**, дополняет ст. 10 постановления СНК СССР от 17 июля 1923 года о государственных трестах, находящихся в управлении местных органов («С. У.» 1923 г. № 84, ст. 815), примечанием, согласно которому порядок регистрации таких трестов, существовавших до опубликования постановления от 17 июля 23 г. и реорганизуемых в соответствии с ним, предоставлено определить совнарком союзных республик.

8. В целях содействия быстрейшему развитию народного хозяйства постановлением ЦИК и СНК СССР от 14 августа с. г. выпущен государственный внутренний заем хозяйственного восстановления («Изв. ЦИК СССР» от 20 августа, № 188) на сумму 300 миллионов рублей сроком по 1 апреля 1930 года. Цена облигации 10.000 руб. Проценты начисляются в размере 10 процентов годовых, уплачиваемых по полугодиям. Облигации выпускаются по номинальной цене, имеют свободное обращение, допускаются к котировке на фондовых биржах, принимаются в залог по государственным подрядам и поставкам, а также в обеспечение договоров о рассрочке акцизов, таможенных пошлин и об аренде государственных имуществ, предприятий и лесных и земельных участков. Облигации и сделки по ним освобождены от всех налогов и сборов.

9. **Постановлением СНК СССР от 28 июня о сложении недоимок и пени по размещению облигаций 1-го и 2-го государственных выигрышных займов в обязательном порядке** («Изв. ЦИК СССР» от 18 августа, № 186) сложены все указанные недоимки и пени.

10. **Постановление СНК СССР от 28 июля об освобождении от лицензионного сбора экспортных товаров, проданных государственными органами и кооперацией частным экспортерам** («Изв. ЦИК СССР» от 18 августа, № 186), устанавливает это освобождение при условии, что полный расчет по таким договорам, утвержденным НКВнешторгом,

будет произведен до отправления товара из пределов Союза ССР.

11. СТО 29 июля с. г. издано постановление о разрешении льготного вывоза через таможенные по восточной границе Союза ССР облагаемых акцизом товаров, приобретенных восточными купцами на Нижегородской Ярмарке 1925 г. («Изв. ЦИК СССР» от 18 августа, № 186).

12. Все договоры на скупку золота, заключаемые НКФ СССР и союзных республик, а равно их контрагентами в порядке ст. 2-й постановления СНК СССР от 23 сентября 1924 г. о мерах к подъему золотопромышленности («С. З.» № 15, ст. 151), согласно постановления СНК СССР от 28 июля с. г. об освобождении от оплаты нотариальным, гербовым и иными сборами договоров на скупку золота («Изв. ЦИК СССР» от 18 августа, № 186), освобождены от указанных сборов.

13. В № 189 «Изв. ЦИК СССР» от 21 августа опубликовано постановление ЦИК и СНК СССР об освобождении от промыслового налога протезных предприятий, принадлежащих наркомздравам союзных республик, поскольку эти предприятия эксплуатируются ими без отдачи в наем.

14. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа о производстве добровольных сборов и пожертвований («Изв. ЦИК СССР» от 21 августа, № 189), изданное в развитие постановления ЦИК и СНК СССР от 5 сентября 1924 года («С. З.» № 8, ст. 81), касается разрешения производства добровольных сборов и пожертвований союзу общества друзей авиационной и химической промышленности и обороны СССР, а также МОПР'у на территории всего Союза ССР. Повторяя во многом постановление от 5 сентября 24 года, новое постановление более детально определяет меры, обеспечивающие проведение полной добровольности этих сборов. В частности, воспрещено пользование частными агентами, выдача вознаграждения лицам, производящим сборы, в том числе кассирам ж.-д. касс, почты, телеграфа, издание приказов по ведомствам об участии в сборах, проведение сборов путем отчислений постановлениями общих собраний рабочих и служащих, а равно членов жилищно-коммунальных и вообще жильцов дома, производство сборов при взимании налогов, платежей за коммунальные услуги или за аренду всякого рода помещений, в том числе торговых. Нарушение этих правил должностными лицами влечет отстранение их от должности в дисциплинарном порядке. На НК РК и НКФ возложено издание инструкции по применению этого постановления.

15. В интересах развития частных радиостанций СНК СССР постановлением от 28 июля с. г. об изменении ст. 7 постановления СНК от 28 июля 1924 г. о частных приемных радиостанциях («Изв. ЦИК СССР» от 18 августа, № 186) установил упрощенный порядок контроля за выпускаемыми промышленными предприятиями приборами приемных устройств и передатчиками. Пломбирование таких приемников Нарродным Комиссариатом Почт и Телеграфов отменено. Промышленные предприятия представляют на освидетельствование в НКПиТ только типы выпускаемых приборов. На выпускаемых в продажу приемных и передающих устройствах должно лишь быть клеймо предприятия и отметка об утверждении данного типа НКПиТ.

16. Постановление СНК СССР от 28 июля с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 18 августа, № 186) касается слияния некоторых технических факультетов военных академий с соответствующими техническими факультетами высших гражданских учебных заведений Наркомпроса РСФСР. Порядок, условия и сроки слияния будут установлены соглашением НКВоемвора СССР с НКПросом РСФСР.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

1. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 30 июля с. г. о дополнении ст. 42 положения об уездных с'ездах советов и исполкомах («Изв. ЦИК СССР» от 18 августа, № 186) вводится к этой статье примечание 2-е, согласно которому в тех уездах, где на государственном обеспечении в органах Собрания находится менее ста лиц, отделения Собрания упраздняются с передачей их функций и соответствующих кредитов президиумам уездных ККОВ.

2. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 июля с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 18 августа, № 186) об изменении редакции ст. 27 положения о налоге с наследств и имущества, переходящих по актам дарения, вносит поправку в текст этой статьи в том отношении, что штраф на частных лиц, налагаемый в порядке этой статьи, может назначаться в размере до 300 рублей, в то время как редакция этой статьи по постановлению от 4 мая («Изв. ЦИК СССР» № 104) определяла размер штрафа ровно в 300 рублей. Указанная поправка является восстановлением в этой части ст. 27 в редакции постановления ВЦИК и СНК от 12 января 1925 г. («С. У.» № 7, ст. 47).

3. Декретом СНК РСФСР от 26 мая 1924 г. («С. У.» № 50, ст. 471) об обменном фонде Российской Центральной Книжной Палаты на государственное и ведомственное издательства была возложена обязанность бронировать для указанного фонда на срок в шесть месяцев по 5 экземпляров каждого издания (кроме секретных). В течение этого срока Центральная Книжная Палата могла потребовать их бесплатной присылки в целях обмена на иностранные, для снабжения последними научных учреждений и книгохранилищ.

Постановление СНК РСФСР от 29 июня с. г. о снабжении литературой Российской Книжной Палаты («Изв. ЦИК СССР» от 23 августа, № 191), изданное в отмену вышеуказанного постановления, вносит следующие изменения: обязанность бронировать и доставлять в Книжную Палату по 5 экземпляров каждого издания распространена на все вообще издательства, т.-е. также и на частные, кооперативные и проч.; срок брони увеличен до 1 года; кроме того Книжная Палата (бюро международного обмена) может требовать присылки указанных изданий и по истечении срока брони (в том числе изданий, выпущенных до опубликования постановления от 29 июня), если они имеются на складах или в магазинах издательства. Несомненно, что это постановление даст возможность шире развернуть деятельность бюро по снабжению научных учреждений и библиотек иностранными изданиями.

С. АСК—ов.

годового срока, установленного для предъявления таких исков. Саратовский губсуд определением от 3/XII — 1924 г. признал причины пропуска истцом срока исковой давности основательными, этот срок продлил и затем, рассмотрев дело по этому иску 14/I — 1925 года и, находя, что вред, причиненный в данном случае ватомом трамвая, возник вследствие грубой неосторожности потерпевшего, имевшей место вследствие отсутствия надзора за пятилетним ребенком со стороны его родителей, и что нет никаких оснований поставить этот вред в вину служащим трамвая, в иске отказал.

На это решение гр. Дементьев, Яков, подал кассационную жалобу, в которой, кроме оспаривания решения по существу, указывал на то, что дети рабочих не могут иметь нянек, которые смотрели бы за ними, и что отсутствие надзора за ребенком не может быть признано грубой небрежностью, освобождающей от ответственности предприятие, причинившее вред его ребенку.

Г. К. К. Верховсуда вынесла по этому делу такое определение: Именем РСФСР 1925 года, марта 19-го дня, Верховный Суд по кассационной коллегии по гражданским делам, в составе: председателя А. А. Лисицына, членов: В. С. Селезнева и А. А. Саврасова, в открытом судебном заседании слушал дело по иску опекуна над малолетним сыном Александром — Якова Иринарховича Дементьева к Саратовскому губкоммунотделу о взыскании по 40 рублей в месяц за увечье сына; по кассационной жалобе гр. Дементьева, Я. И., на решение Саратовского губсуда от 14/I — 25 года, коим определено: «в иске гр. Якову Иринарховичу Дементьеву с Саратовского губкоммунотдела по 40 рублей в месяц на содержание сына отказать».

Рассмотрев кассационную жалобу и ознакомившись с делом, ГРКК находит: основанием к отказу в иске суд выдвинул то соображение, что из обстоятельств дела усматривается грубая неосторожность потерпевшего, почему

к данному случаю применил имеющееся в ст. 404 Г. К. указание на освобождение от ответственности предприятия с повышенной опасностью при наличии грубой неосторожности потерпевшего. Двукратным указанием в своем решении суд как бы подчеркивает и вину родителей, не имевших достаточного надзора за ребенком. ГРКК не считает возможным согласиться с такой мотивировкой суда, ибо, не говоря уже о нежизненном требовании к пролетарской семье о фактически для нее невозможном тщательном надзоре за детьми, суд не мог базироваться на формальном признании парсудом кондуктора Горшковой виновной в увечье ребенка. Конечно, Горшкова могла быть признана виновной в умышленном и в хотя бы неосторожном изувечении ребенка, но это обстоятельство отнюдь не освобождало предприятие от гражданской ответственности. Ст. 404 У. К. гласит, что доказательство непреодолимой силы, умысла или грубой небрежности потерпевшего, освобождающих предприятие с повышенной опасностью от ответственности, лежит на таковом предприятии. Между тем, из дела усматривается, что никто из трамвайных служащих даже не заметил, при каких условиях попал ребенок под вагон, что узнав они об этом лишь на обратном пути. Суд в своем решении строил лишь предположение, что мальчик вскочил на подножку вагона на ходу. Умозаключать из таких шатких оснований о грубой небрежности ребенка и категорически отрицать наличие какого-либо нарушения правил или недостаточной внимательности к своим обязанностям со стороны кондуктора нельзя.

Между тем, признание судом того или иного из описанных условий было бы достаточным для признания трамвайного предприятия ответственным по 404 ст. Г. К.

На основании изложенного, ГРКК определяет:

решение Саратовского губсуда от 14/I — с. г. по настоящему делу отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе.

== Х Р О Н И К А. ==

Государственный институт по изучению преступности и преступника.

Народным Комиссариатом Внутренних Дел, по согласованию с НКЮ, Наркомпросом и Наркомздравом, утверждено положение о государственном институте по изучению преступности и преступника (объявленное в приказе по НКВД за № 97 от 1 июля 1925 г.); согласно этому положению, государственный институт по изучению преступника и преступности является научно-практическим учреждением и имеет целью: выяснение причин и условий, вызывающих или благоприятствующих развитию преступности, вообще, и в отдельных преступлениях, в частности; изучение успешности применяемых методов борьбы с преступностью и отдельных мер социальной защиты; разработку вопросов уголовной политики, в частности вопросов исправительно-трудового воздействия; разработку системы и методов изучения заключенных и исправительно-трудового воздействия на них; изучения отдельных лиц, представляющих интерес для выяснения явления преступности; изучение влияния отдельных мер исправительно-трудового воздействия на заключенных.

Институт по изучению преступности и преступника состоит при Наркомвнутеле РСФСР. Работы института происходят под общим руководством совета института в секциях

и пленарных заседаниях членов института. Институт организует кабинеты, лаборатории, клиники и т. п., издает печатные труды, созывает конференции, съезды и совещания, устраивает рефераты, доклады и лекции. Совет института привлекает к участию в его работах советские, научные, общественные, профессиональные и политические учреждения и органы, а также отдельных лиц, которые могут быть полезны для осуществления вышеперечисленных целей института.

Институт в своей деятельности отчетывается перед Народным Комиссаром Внутренних Дел, а в своей научной работе отчетывается, кроме того, перед Наркомпросом.

Предоставление врачебных удостоверений при регистрации смертей.

Наркомвнутелем и Наркомздравом, по мотивам выявляемых причин смертности, издан циркуляр (№ 328/00301—128 от 13 июня 1905 года — всем административным отделам губ. и обласполкомов, губ. и облздравотделам), согласно которому в губернских, областных и прочих городах, а также населенных пунктах сельского типа с населением не менее десяти тысяч и при наличии врачебного персонала, регистрация смертей, согласно статьи 35 Кодекса законов об

актах гражданского состояния, должна производиться при условии обязательного представления органам ЗАГС врачебных свидетельств о факте и причине смерти. Свидательства о смерти выдаются лечившим умершего врачом, местным судебно-медицинским экспертом или иным врачом по указанию последнего. В случае, когда смерть последует от самоубийства или несчастного случая, регистрация смерти производится исключительно по удостоверению судебно-медицинской экспертизы. Свидательства о смерти выдаются бесплатно и освобождаются от гербового и других сборов.

Отсрочка от брачующихся подписок при заключении брака.

Согласно второй части изложенного нами выше циркуляра НКВД и Наркомздрава № 328/00301, в целях охраны народного здоровья в отношении предупреждения заражения венерическими и другими заразными болезнями лиц, вступающих в брак, на органы ЗАГС возложена обязанность отбирать от брачующихся подписку о том, что они осведомлены взаимно о состоянии их здоровья. Перед отобранием такой

подписки гражданам должно быть разъяснено содержание статьи 155 Уголовного Кодекса, с указанием на ответственность за заражение венерической болезнью других лиц.

Возложение на местные органы власти обязанности оплаты суточных и проездных лицам, вызываемым из сельских местностей для исполнения обязанностей свидетелей и народных заседателей.

Совет Народных Комиссаров РСФСР принял постановление (протокол заседания СНК РСФСР № 36) в целях обеспечения своевременного и полного удовлетворения губернскими и народными судами народных заседателей, свидетелей и экспертов денежным довольствием, причитающимся им за проезд и отвлечение от обычных занятий, обязать НКФин и губисполкомы включить в бюджеты необходимые кредиты по выплате вознаграждения за проезд, а также за отвлечение от обычных занятий народных заседателей, свидетелей и экспертов.

БИБЛИОГРАФИЯ.

И. ИЛЬИНСКИЙ—«Право и быт» ГИЗ. 1925, стр. 49.

«Правильное» право — это то право, которое порождает прямое действие, т.-е. дает именно тот эффект, на который рассчитывал законодатель. Но ради построения правильного права нужно изучить среду, в которой оно призвано действовать... «Закон, не имеющий корней в живой социально-хозяйственной деятельности, умирает как растение, посаженное на чужую почву...» «Участник советского строительства должен дать себе ясный отчет в природе и свойствах права, как одного из орудий этого строительства». «В классовом обществе, хотя бы переходного периода, существование права неизбежно». «Задача лежит в установлении конкретной связи данного права с данным экономическим базисом или во вскрытии классовых корней, нередко весьма сложных и запутанных, данной юридической идеологии... И здесь внимание юриста должна привлечь «борьба за преобразование быта». «Историки права единодушно подчеркивают консервативность обычаев по сравнению с законом. А ведь обычай есть не что иное, как отлитой в юридическую форму быт». Роль закона в этом преобразовании быта, пределы его действия — могут быть правильно выяснены лишь в случае «привлечения к разработке законодательства... низовых организаций и собраний трудящихся». «Официальные корни составляют только часть права, которое должны создавать и создавать трудящиеся массы в процессе упорного молекулярного строительства нового уклада общественных отношений» (стр. стр. 46, 18, 17, 12, 49).

Таковы, если попытаться их систематизировать, те важнейшие, в значительной мере бесспорные положения, из которых исходит И. Ильинский в своей интересной брошюре. Если прибавить, что автор затрагивает в ней целый ряд вопросов марксистской социологической и правовой теории, с одной стороны, нашей законодательной и судебной практики, с другой, при чем делает это в общедоступной, образной и увлекательной форме, то ясным становится все достоинства его небольшой работы, могущей, несомненно, получить довольно широкое распространение. Иное дело, если к брошюре И. Ильинского подойти не с точки зрения общественной полезности подобного

рода популярной литературы, но с несколько более строгим критерием ее научной оценки. Тут придется сказать, что от автора, претендующего в области хотя бы юридической теории превратить марксистский метод в «ценное орудие познания» (мы сказали бы — и изменения — И. Р.) действительности» (стр. 18) и столь высокомерно относящегося поэтому к одному лишь «распеванию цитат» из Маркса и Энгельса, мы вправе были бы ожидать гораздо большей углубленности и диалектико-материалистической выдержанности в постановке затрагиваемых им основных проблем. К сожалению, популярно излагая эти проблемы, И. Ильинский склонен зачастую значительно упрощать их: подвижная мысль автора, легко перепархивая от одного выдвигаемого им положения к другому, не всегда связывает соответствующие выводы в достаточной логической последовательности. И мы не сомневаемся, что иной читатель, который с интересом пробежит всю эту совокупность отдельных блесков мысли, ярких примеров неполного и недостаточного действия законов, исторических и социологических экскурсов, все же может остаться в недоумении: что же собственно, в общем и целом, хотел сказать автор?

Мы постараемся показать на нескольких важнейших моментах, как в общих чертах верная или идущая как будто бы в правильном направлении мысль И. Ильинского не получает, однако, должного развития. Это относится, прежде всего, к его опыту социологического изучения быта. Автор отличает от общественных отношений производство и распределения быта, как «по преимуществу порядок потребления», куда он относит, прежде всего, домашнюю внеслужебную жизнь в широком смысле слова, «ту область жизни, в которую производитель вступает после работы» (стр. 5, 6). Отсюда проистекает «личность или консервативность быта», его односторонность и индивидуализм или замкнутость, «потому что в существенном одностороннее потребление», «потребление — индивидуальный процесс» (стр. 6, 10, 11).

Несомненно, что процессы потребления мы обычно относим к «быту». Но этим же понятием мы обычно покрываем и ряд производственных процессов и отношений распределения (в крестьянском быту, как это отмечает сам автор, в изображении быта ремесленников, кустарей, ку-

ического быта, быта маленького городка). Сюда же относим мы, в этнографии первобытных народов, обычаи и обряды, имеющие скорей религиозное значение, проявления народного творчества и т. д.—словом, ряд таких явлений, которые могут быть отнесены к «потреблению» лишь при чрезмерно распространительном понимании смысла последнего. С другой стороны, едва ли говорим мы о «быте» современного крупного буржуа, фабриканта, заводчика, имея в виду его «награбление»; а Клубу, напр., организует для ученых не только санатории и пр., но и доставку пужной им для научных занятий литературы, что также едва ли можно отнести к области одного потребления. Понятие «быта», несомненно, более широкое, и здесь все время нужно иметь в виду указанную Марксом в «Введении к критике полит. экон.» тесную связь между потреблением и производством. Мы сказали бы, что «быт» вообще нельзя свести к социологическому понятию (вроде «общественных отношений», «производительных сил» и т. д.), но правильное было бы рассматривать его как историческое понятие, получающее более или менее отчетливые очертания по мере развития капиталистического способа производства. Развитие капиталистических отношений между работодателем и рабочим, концентрация капитализма рабочей силы, развивающиеся капиталистические формы производства и т. д.—по мере того, как вытесняются эти старые моменты общественной жизни, тем все резче противопоставляется им «быт», патриархальный, помещичий, индивидуалистический — остатки натуральных, феодальных, мелкобуржуазных отношений. Не потому консервативен быт и т. п., что он является отдыхом после работы, или что во все времена должно быть индивидуальным потребление, а потому, что таковы те общественные отношения—потребления ли, распределения или производства, на которые еще не распространились капиталистические, а в нашей советской обстановке тем более—государственно-капиталистические отношения. И историческая школа права была реакционной не потому, что опиралась на «жесткость обычаев» (стр. 13), а потому, что объективно она вела борьбу за сохранение феодальных отношений.

И здесь доводы автора явно не выжуются с его выводами, ибо как прикажете вести борьбу с «социологическими» свойствами быта, если порядок потребления не может не быть консервативным, замкнутым и т. д. Правильно, конечно, что все зависит от «организации производства и распределения», но в том-то и дело, что при коммунизме понятие «быт» получит совершенно иной смысл и едва ли будет противопоставляться порядку производства. А между тем, эти теоретические недочеты автора отражаются в дальнейшем и на его понимании взаимоотношений между правом и бытом. Прежде всего, И. Ильинский склонен придерживаться упрощенного взгляда на право, как на «некоторый принудительный порядок общежития», который поэтому неизбежен в классовом обществе (стр. 17). Мы спрашиваем автора: а разве не поддерживается той же государственной властью отягчаемая им самим от права «инструкция о ковке лошадей» и разве неисполнение ее не карается, быть может, и приговорами военных судов? Дело не в принуждении, которое, как указывают Маркс и Ленин, сможет в иных формах иметь место и при коммунизме: дело в особенностях правовой формы, на которых И. Ильинскому следовало бы остановиться, особенно после появления некоторых новейших марксистских работ по праву (в частности, работы т. Е. В. Пашутаниса). На наш взгляд, автор несколько упрощенно понимает и воззрения на право т. П. И. Стучки; в частности, большим упрощением является сведение пра-

вовой идеологии к «правосознанию некоторого общественного класса» (стр. 24)... Но, если и оставить в стороне некоторые общие теоретические вопросы, то или иное освещение которых может быть спорным, то получается, что автор во второй главе зачастую забывает свои положения о консервативных отношениях «быта». Согласно его примерам оказывается, что хозяйственные потребности могут «выработать новую форму отношений между людьми», что «постепенно созданные законом бытовые (в широком смысле слова) формы записывают себе признание» (стр. 24, 25) и т. д.

Правда, в дальнейшем автор оговаривается, что не смотря на то, что быт «имеет свои черты косности, замкнутости и проч., к которым с научной организацией подступиться трудно», но «это обстоятельство, конечно, не удерживает законодателя от попытки преобразования быта» (стр. 28). Но потому именно, что автор не рассматривает «быт» в его историческом аспекте, как исторически-отсталые формы производства, распределения, потребления в сопоставлении с капиталистическим или социалистическим производством, но придает ему, волюно или неволюно, некоторый «абсолютный» характер, понятно, что его рассуждения о причинах бездействия законов должны сводиться к общим соображениям на счет «гранита жизни» (стр. 35), «закона косности быта» (стр. 36), и противоположных им «живой социально-хозяйственной деятельности», «соков земли» (стр. 46), которыми, де, должен питаться закон и т. п. Все это совершенно бесспорно, но совершенно недостаточно для автора, рассматривающего целый ряд конкретных случаев применения законов.

Автору следовало бы разобраться в тех общественных отношениях, изменение которых каждый раз делало возможной для проведения в законодательном порядке ту или иную правовую форму. Потому-то мы и не находим у него тех или иных решений, которые могли бы сделать из права орудие познания (и изменения—И. Р.) действительности.

Потому-то и приводимые им многочисленные случаи нашей законодательной практики могут легко произвести впечатление собрания анекдотов о том, как советские законодатели пытались, шло-не шло, а—ничего не получалось, и вот «создались такие жизненные условия», и из них «органически выросли нормы закона, получившие на этот раз реальное значение и силу» (стр. 36). И самый призыв «спросить у тех, кому предстоит жить в браке и рожать детей», привлечь к разработке законодательства низовые организации и собрания трудящихся несколько напоминает поэтому пресловутые абстрактные призывы к «демократии»... Мы уже не говорим о том, что автором в последнем случае недостаточно учтены соотношения «стихийности» и «сознательности» и демократический централизм, лежащие в основе всего нашего строительства... Весьма вероятно, мы считаем нужным оговориться, что автор этого вовсе и не хотел и не предполагал, но внешне у него, несомненно, такое упрощение получалось. А отсюда и «легковесность» книжки, которая при всех своих достоинствах могла бы приобрести гораздо более ценное значение.

И все потому, что автор не взял соотношения права и быта в историческом разрезе, не остановился подробнее на связанной с цитируемым законодательством исторической диалектике общественного процесса, освещению которой, по нашему скромному мнению, цитаты из Маркса и Энгельса помогли бы не меньше, чем упоминаемые им Б. Костяковский или «социолог права» Евгений Эрлих.

И. Разумовский.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

СОДЕРЖАНИЕ:

Циркуляры Наркомюста: № 162, 163, 164, 165, 166. Циркуляр Наркомтруда РСФСР № 234/1165/1275. Раз'яснения пленума Верховсуда РСФСР. И нструктивное письмо Верховсуда РСФСР № 2.

Циркуляры Наркомюста.

Циркуляр № 162.

Всем прокурорам РСФСР.

Об осуществлении прокуратурой общего надзора.

Некоторые прокуроры на местах обращаются к страхкасам с изложенными в форме требований предложениями о выплате пособий по больничным листам.

Такого рода обращения совершенно не соответствуют ясному смыслу п. «а» ст. 78 Положения о Судеустройстве и тому подходу, который обязателен для представителей прокуратуры при осуществлении общего надзора за законностью действий и распоряжений органов власти, государственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц.

А потому предлагается впредь не придавать переписке, в которую в осуществление общего надзора прокуратуре приходится вступать с различными учреждениями и лицами, характера категорических предписаний, предпочитая формальное указание на незаконность действия и прибегая, в случае оставления подобного указания без внимания, к опротестованию незаконного действия или распоряжения в инстанционном порядке.

Народный Комиссар Юстиции и Прокурор Республики
Курский.

13 августа 1925 года.

Циркуляр НКЮ № 163.
Верховсуда РСФСР № 18

Всем губернским и областным судам.

О применении ст. 271 ГПК при обращении взыскания на имущество с.-хоз. коммун и артелей, ведущих общественное хозяйство.

В виду необходимости обеспечить безостановочное ведение общественных хозяйств, как-то: селско-хозяйственных коммун и артелей, Народный Комиссариат Юстиции и Верховный Суд РСФСР, в развитие п. «в» ст. 271 Гр. Пр. Код., раз'ясняют, что при исполнении решений, постановленных против селско-хозяйственных коммун или иных коллективов, ведущих общественное хозяйство и имеющих общественное имущество, не может быть обращено взыскание на необходимые для продолжения ведения хозяйства селско-хозяйственные орудия, рабочий скот в паличном количестве, одну корову на каждые 5 едоков и одного производителя на каждые сорок пять голов скота данной породы.

Народный Комиссар Юстиции **Курский.**

За Председателя Верховного Суда РСФСР **Кронберг.**

18 августа 1925 года.

Циркуляр № 164.

Всем губернским и областным судам.

О размещении камер нарследователей.

По имеющимся в Народном Комиссариате Юстиции сведениям, наблюдается сосредоточение канцелярий народных следователей в уездных городах не только вне границ обслуживаемых ими участков, но иногда в значительном расстоянии от этих границ, каковое обстоятельство, усугубляемое недостаточностью отпусков на путевые расходы, доставляет большие неудобства для населения, вызываемого к нарследователям на значительные расстояния, и ни в коей мере не способствует осуществлению лозунга «лицом к деревне».

Вопросы размещения камер нарследователей и необходимость осуществления надзора за следствием со стороны пом. прокурора—не являются препятствием к переводу их камер в селские местности, так как канцелярия народного следователя требует такого помещения, которое найдется почти в каждом селении, тогда как занимаемые обычно в уездных городах помещения не удовлетворяют своему назначению, так как в одной комнате помещается несколько нарследователей, а пом. прокурора, производя выезды в деревню в порядке циркуляра № 37—25 г., может регулярно посещать участок нарследователя для осуществления обязанности надзора за следствием.

Поэтому Народный Комиссариат Юстиции предлагает губернским судам:

1) Обсудить вопрос о переводе канцелярий народных следователей, находящихся вне и вдали от центров обслуживаемых ими участков, в местности, ближайшие к означенным центрам.

2) При всякого рода сообщениях в НКЮ о территориальных изменениях следучастков указывать местоположение их канцелярий относительно центра и границ обслуживаемых ими участков.

Народный Комиссар Юстиции **Курский.**

20 августа 1925 года.

Циркуляр № 165.

Всем губернским и областным прокурорам.

Об оказании содействия прокуратурой кооперативным организациям во время хлебозаготовительной кампании.

Успешность наступающей хлебозаготовительной кампании, в значительной мере, зависит от надлежащей поставки снабжения крестьянства промышленными товарами.

На создание наиболее полного и бесперебойного продвижения в деревню промышленных товаров и необходимость полного удовлетворения крестьянского спроса такими из них, которые имеются в достаточном для этого количестве (керосин, соль, спички), указывает ряд специальных постановлений СНК СССР.

В качестве изготовителя указанных товаров должна выступить кооперация, а постановление СНК вменяет госорганам в обязанность преимущественное удовлетворение потребности кооперативной сети в промышленных товарах.

Наркомвнуторг и Центросоюз в своем циркуляре на имя председателей потребительских обществ указывают, чтобы в случаях, когда на местах кооперативным органам придется столкнуться с превышением установленных для торгующих организаций промышленности норм торговых наценок, или уклонением от заключения сделок с кооперацией, или отказом от предоставления условий расчета или ассортимента товаров, какие предоставляются другим организациям, а также во всех случаях халатного или небрежного отношения со стороны руководителей госорганов к вопросу снабжения кооперации, руководители кооперативных организаций обращались за содействием к прокурорскому надзору.

В целях оказания такого содействия, Прокуратура Республики предлагает во всех случаях обращения руководителей местной кооперации немедленно расследовать причины, вызывающие или могущие вызвать перебой в снабжении кооперации необходимыми товарами и принимать надлежащие меры воздействия на руководителей госорганов, препятствующих выполнению данной общегосударственной задачи, доводя об этом немедленно до сведения Прокуратуры Республики.

Ст. Пом. Прокурора Республики Крыленко.

24 августа 1925 года.

Циркуляр № 166.

Инструкция

по применению постановления СНК РСФСР от 31 июля 1925 г. о дополнении положения о государственном нотариате.

Всем обл. и губ. судам.

В развитие постановления СНК РСФСР от 31-го июля 1925 г. о дополнении положения о государственном нотариате («Изв. ЦИК» № 179 от 8 августа 1925 г.) о порядке совершения и регистрации актов по залогу немunicipализированных и демunicipализированных строений и права застройки в кредитных учреждениях в обеспечение ссуд на строительство, Народный Комиссариат Юстиции предлагает нотариальным учреждениям при совершении этих актов руководствоваться следующими правилами:

1) Для совершения залогового акта должны быть представлены:

а) при залоге строений—справки отдела местного хозяйства (коммунального) о принадлежности строения залогодателю или акт купли-продажи строений с отметкой о регистрации в подлежащем коммунальном органе, либо акт демunicipализации; б) при залоге права застройки—договор застройки или акт купли-продажи права застройки также с отметкой о регистрации в коммунальном или другом по принадлежности органе. Кроме того, в обоих случаях должны быть представлены справки подлежащей по месту нахождения закладываемого имущества нотариальной конторы о запрещениях. Справки могут быть даны путем телеграммы, посланной конторой местонахождения имущества на имя конторы, где акт совершается.

2) Совершившая залоговой акт нотариальная контора немедленно посылает запрещение в контору по месту нахождения закладываемого имущества и копию запрещения в подлежащий коммунальный орган. Подлинный залоговой

акт должен быть представлен для регистрации в тот же коммунальный или иной по принадлежности орган.

3) Немедленно по совершении залогового акта нотариальная контора, кроме посылки запрещения обычным порядком, может послать телеграмму о наложении запрещения. В телеграмме должно содержаться следующие сведения: 1) слово «запрещение» и обозначение, налагается ли запрещение на строение или право застройки, т.-е. «строение» или «застройка», 2) фамилия, имя и отчество залогодателя, 3) номер имущества по реестру коммунального органа или местонахождения имущества, 4) слово «залог», 5) обозначение залогодержателя, 6) обозначение суммы залога, 7) обозначение нотариальной конторы, дата, номер по актовой книге. Подпись нотариуса должна быть удостоверена телеграфным учреждением в порядке ст.ст. 89 и 91 действующего постановления по телеграфной сетке (см. прилож. 1).

Телеграмма посылается с оплаченным ответом.

4) Телеграмма помещается в сборнике запретительных статей и до получения запрещения по обычной форме заменяет это запрещение. В нотариальную контору, наложившую запрещение, посылается телеграмма, в которой помещается: 1) ссылка на № телеграммы, 2) фамилия владельца имущества, слово «сборник» и № по сборнику, 3) подпись нотариуса (см. прилож. II).

5) По телеграфу же может быть послано в соответствующий коммунальный орган требование об отметке в реестре. В телеграмме помещается: 1) слово «отметьте», 2) фамилия, имя и отчество залогодателя, 3) № имущества по реестру, 4) слово «залог», а также обозначение «строение» или «застройка», 5) обозначение залогодержателя, 6) сумма залога, 7) обозначение нотариальной конторы, совершившей акт, дата и № по актовой книге. Подпись нотариуса удостоверяется почтово-телеграфным учреждением. Телеграмма посылается с оплаченным ответом (см. прилож. III).

6) Кроме указанной (ст. 5) телеграммы, нотариальная контора посылает в коммунальный орган копию запрещения и уведомление о совершении акта залога обычным порядком.

7) Коммунальный орган, сделав отметку в реестре владений на основании указанной (ст. 5) телеграммы, отвечает нотариальной конторе телеграммой, в которой помещается: 1) ссылка на № телеграммы конторы, 2) слово «отмечено», 3) дата и № по реестру. Подпись заведующего коммунальным органом или иного лица, подписавшего телеграмму, удостоверяется почтово-телеграфным учреждением (см. прилож. IV).

8) В случае, если акт залога отмечен коммунальным органом на основании телеграммы нот. конторы, последняя, по желанию сторон, делает на подлинном залоговом акте надпись об отметке акта в коммунальном отделе с обозначением даты и № по реестру, на основании телеграммы, указанной в п. 7 (см. прилож. V).

9) В случае прекращения залога по желанию сторон, кроме посылки разрешения запрещения обычным порядком, также может быть послана телеграмма о разрешении запрещения в нотариальную контору и коммунальный орган по месту расположения имущества. В телеграммах помещается: 1) слова «разрешение запрещения» (в нотариальную контору) или «прекращение залога» (в коммунальный орган), 2) ссылка на № запрещения или на предыдущую телеграмму, 3) обозначение № по реестру коммунального отдела.

10) Все телеграфные сношения совершаются за счет сторон. За посылку запрещения или разрешения взимается плата, согласно ст. 22-б таксы, с надбавкой в местные средства. Нотариальная контора за отметку о регистрации акта по

реестру коммунального отдела взимает плату по ст. 13 таксы, как за предъявление документов, с надбавкой в местные средства.

Зам. Народного Комиссара Юстиции Крыленко.

24 августа 1925 года.

Приложение к циркуляру № 166
от 24 августа 1925 г.

ПРИМЕРНЫЕ ФОРМЫ.

I.

Телеграмма о наложении запрещения.

Из Москвы.

Тула. 1 нотариальная контора.

Запрещение строения Петра Ивановича Семёнова № коммунального дела 692 (или Тверская, 5) залог по коммунальному банку ссуда пять тысяч с процентами 4-я контора 5 августа № 572 Нотариус Сидоров.

II.

Ответная телеграмма о наложении запрещения.

Из Тулы.

Москва 4 нотариальная контора Никольская 11 № 572 Семёнова сборник 49 Нотариус Петровский.

Телеграмма отделу местного хозяйства (коммунальному).
С оплаченным ответом: 15 слов.

Из Москвы.

Тула ответ 15 отместхозу:

Отметьте залог строения Петра Ивановича Семёнова № коммунального дела 692 (или Тверская 5) ссуде коммунального банка пять тысяч с процентами 4-я контора 5-го августа № 572 Нотариус Сидоров.

IV.

Телеграмма коммунального органа об отметке.

Из Тулы.

Москва 4-нотариальная контора Никольская 11. 572 отмечен 6 августа № 884 зав. отместхозом Михалевич.

4 Московская государственная нотариальная контора удостоверяет, что настоящий акт отмечен в Тульском отделе местного хозяйства 6 августа 1925 года по реестру № 884.

Взыскан 1 рубль платы за нотариальные действия и 1 рубль в местные средства.

Нотариус Сидоров.

Печать нот. конторы.

ЦИРКУЛЯР

НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ТРУДА РСФСР.

№ 234/1165/1275.

Об установлении постоянной связи между биржами труда и военкоматами в работе по замещению должностей, освобождающихся вследствие призыва в Красную Армию и Флот.

НКТ автономных республик, уполномоченным НКТ, обл. и губотделам труда:

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 29 мая 1925 г. «О льготах в области труда для лиц, уволенных в запас, бессрочный отпуск и вовсе от службы в Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Флоте» («Известия ЦИК СССР и ВЦИК», № 134 от 16/IV—25 г.; «Известия НКТ СССР» 1925 г., № 29) изменены ст. ст. 81—89 Кодекса законов о льготах для военнослужащих («Собр. Зак. СССР» 1924 г., № 21, ст. 198; «Известия НКТ СССР» 1925 г., № 2—3). Согласно этому постановлению, за уволенными из РККА и РККФ обеспечиваются должности, освободившиеся вследствие очередных призывов в ряды Красной Армии и Флота.

НКТ РСФСР, придавая огромное значение делу размещения на работы и целесообразному использованию уволенных красноармейцев и военнослужащих, а также в интересах быстрого и правильного замещения освобождающихся мест, предлагает местным органам НКТ по биржам труда войти в соглашение с военкоматами по вопросу о получении сведений (по прилагаемой форме) о местах работы в предприятиях, учреждениях и хозяйствах, освобождающихся вследствие призыва работников в Красную Армию и Флот, путем командирования своего сотрудника в призывные комиссии, или каким-либо другим путем.

Эти сведения должны быть использованы следующим образом: выяснив имеющиеся ресурсы рабочей силы из числа демобилизованных и уволенных красноармейцев, биржи труда, в случае наличия подходящих кандидатов, должны предложить соответствующим предприятиям и учреждениям свое посредничество по замещению освободившихся мест указанными кандидатами.

При этом необходимо иметь в виду, что после выяснения вопроса о приеме работника на действительную военную службу в кадры РККА и Ф, войска ОГПУ и конвойную стражу СССР, он уже не возвращается на предприятие или в учреждение, вследствие чего последним необходимо скорейшее замещение освобождающихся мест. Поэтому выяснение ресурсов рабочей силы и обращение к предприятиям и учреждениям с предложением кандидатов должно быть проведено в кратчайший срок.

Инспекции труда при обследовании предприятий и учреждений в течение квартала октябрь—декабрь 1925 года надлежит выяснить, в каком порядке замещены места, освободившиеся вследствие призыва работников на военную службу. Это выяснение инспектор труда производит путем проверки документов на лиц, замещивших освободившиеся места.

В случае, если обнаружится, что места призванных замещены не уволенными с военной службы, инспектор труда должен выяснить, были ли предварительно затребованы с биржи труда уволенные с военной службы (ст. 86 Кодекса законов о льготах для военнослужащих в редакции постановления ЦИК и СНК СССР от 29/V—1925 г.).

За нарушение постановления ЦИК и СНК СССР от 29-го мая 1925 г. в части, касающейся порядка замещения мест, освобождающихся вследствие призыва, виновные привлека-

ются к ответственности в административном порядке, согласно постановлению СНК РСФСР от 3 мая 1924 г. («Собр. Узак.» 1924 г., № 41, ст. 374; «Известия НКТ СССР», 1925 г., № 19—20).

Приложение: Примерная форма сведений.

Ф о р м а

для сообщения сведений о призванных в Красную Армию и Флот.

1	2	3	4
Наименование учреждения, предприятия и хозяйств.	Фамилия рабочего или служащего	Наименование должностей и характер выполняемой работы	Неквалифицированные общими числом

За Народного Комиссара Труда РСФСР В. Догадов.

Зав. Отделом Рынка Труда НКТ Завадовская.

Зам. Зав. Отделом Охраны Труда НКТ Бенсман.

Согласова о: { РВС СССР Уншлихт.
ВСНХ РСФСР Брыков.
НКЮ РСФСР Нурский.
ВЦСПС Владимиров.

18 августа 1925 года.

Раз'яснения пленума Верховного Суда РСФСР

От 20 июля 1925 года (прот. № 12).

О способах установления категории и квартплаты в отношении лиц, принадлежавших ранее к нетрудовому элементу.

Раз'яснить, что установленные ставки квартплаты для трудящихся должны применяться не механически в силу только того, что плательщик, принадлежавший ранее к нетрудовому элементу и в качестве такового уплачивавший квартплату в период дальнейшего квартирования, является уже служащим или вступившим в члены профсоюза, а исходя из конкретных особенностей каждого случая, после тщательной проверки судом перемены в положении плательщика, а также признать, что, если по расследовании, в частности, окажется надлежащим плательщиком не то лицо, которое формально является с'емщиком (ст. 35 ГК), то суд может привлечь к уплате надлежащего плательщика, а равно и отнести действительного с'емщика к той или иной ка-

тегории плательщиков, в зависимости от фактического его имущественного положения.

От 10 августа 1925 года (прот. № 13).

О раз'яснении применения 161 и 162 ст. ст. Кодекса законов об антах гражданского состояния.

Раз'яснить, что размер подлежащего взыскания с родителей на содержание детей определяется судом исключительно в зависимости от их материального положения, и что поэтому, исходя из конкретных обстоятельств дела, суд может полностью возложить содержание ребенка на одного из родителей, с полным освобождением от этой обязанности второго родителя.

Запрос Смоленского губсуда о праве УКО губсуда назначения испытательного срока лицам, условно осужденным нарсудами с нарушением 37 ст. УК.

Раз'яснить, что УКО губсуда, при обнаружении нарушения нарсудом 37 ст. УК, вправе определять, не передавая дела в нарсуд, испытательный срок условно-осужденным, тем более, что согласно раз'яснения пленума Верховного Суда от 15/VI—25 г. (протокол № 9, п. 18) эти вопросы могут разрешаться нарсудом не только в порядке 6 ст. УПК, но и в распорядительном заседании.

О квалификации запрещенной скупки золота.

Раз'яснить, что скупка золота, поскольку она производится с нарушением установленных правил и поскольку она не стягивается другими квалифицирующими признаками, подлежит квалификации по 139 ст. Уголовного Кодекса.

О возможности утверждения судебной мировой сделки по разделу имущества без предварительного представления регистрационной записи в ВИК'е.

Раз'яснить Томскому губсуду, что вывод пленума о том, что утверждение мировой сделки о разделе имущества двора не требует предварительной регистрации соглашения в ВИК'е, правилен и вытекает из точного смысла закона (ст. ст. 78—82 Зем. Кодекса). Если раздел касается не только имущества, но и земель двора, то споры по таким разделам полностью подведомственны (и в отношении земель, и в отношении имущества) земельным комиссиям, а следовательно, на точном основании 78 ст. Земельного Кодекса делающиеся должны раздельную запись в полном объеме представить для предварительной регистрации в ВИК. Если же делится только имущество двора, то вытекающие отсюда споры подведомственны нарсуду, и, следовательно, мировая сделка о разделе только имущества двора обсуждается нарсудом без предварительной регистрации ее в ВИК'е.

Инструктивное письмо Верховного Суда РСФСР № 2.

Главсудам, крайсудам и губсудам.

(Продолжение) *).

О недоносительстве.

Следующий вопрос, который до настоящего времени имеет общее значение для всех судов—это вопрос о недоносительстве. Как известно, недоносительство наказуемо только в строго-определенных законом случаях (ст. 89 УК). Между тем, УИК нередко приходится прекращать дела за отсутствием состава преступления, так как губсуды смешивают недоносительство с укрывательством.

Разница между укрывательством и недоносительством сводится в общем к следующему. Под укрывательством следует понимать такие действия какого-либо лица, которые направлены на сокрытие преступника или следов преступления. Таким образом, укрыватель должен умышленно что-либо сделать для сокрытия преступника или следов преступления от органов государства, выполняющих публично-правовые функции.

Сущность же недоносительства сводится к тому, что кто-либо, зная о совершении какого-либо преступления, не сообщает о нем соответствующим государственным органам.

Другими словами, укрывательство предполагает известную активность со стороны укрывателя по отношению к совершенному преступлению, недоносительство же характеризуется пассивным отношением лица к преступлению.

Граница между недоносительством и укрывательством, правда, в некоторых случаях уловима крайне трудно, однако это-то и должно служить основанием к тщательному рассмотрению этого вопроса в каждом отдельном случае. Лучшей гарантией тщательности рассмотрения этого вопроса можно считать отчетливость изложения состава преступления в приговоре. Некоторые указания о том, как следует писать приговоры, были уже даны судам в прошлом докладе. Здесь же нужно подчеркнуть необходимость подробного изложения в приговоре тех фактов, которые влекутся осуждением, как укрывательство, и полную недопустимость в изложении состава укрывательства употреблять ничего не выражающие общие места.

Кроме этих общих для всех судов вопросов, имеющих большое принципиальное значение, есть ряд других более мелких, на которые несомненно тоже следует обратить внимание судов.

О ст. ст. 144 и 145 УК.

Так, практика УИК знает случаи неправильного применения 144 и 145 ст. ст. УК и именно в смысле применения ст. 144 там, где имеются явные признаки ст. 145. Различие ст. 144 от 145, как общее правило, настолько значительно, что при отчетливости понимания смысла правильного их применение не составляет больших трудностей и не требует особых разъяснений. Но бывают случаи убийства под влиянием сильного душевного волнения, вызванного противоправным насилием со стороны потерпевшего—эти случаи с первого взгляда близко подходят к случаям убийства с превышением пределов необходимой обороны. Однако, это не так. В первом случае убийство является результатом уже произведенного над личностью убийцы или над кем-либо другим насилия, при чем умысел направлен именно на убийство. Во втором же случае убийство является результатом защиты убийцей самого себя или другого лица от нападения потерпевшего, и умысел направлен только на отражение нападения, хотя бы даже путем убийства нападающего. Таким образом, ст. 144 обязательно требует, чтобы человек, которому она вменяется, был нападающим и имел умысел, на убийство направленный, статья же 145 может быть вменена только в том случае, если человек поставлен в необходимость защищаться от нападения другого и, защищаясь, убивает другого с целью прервать нападение.

О ст. 30 УК.

Далее следует остановиться на нередко встречающемся неправильном исполнении правил ст. 30 УК. Правила эти заключаются в назначении осужденному по каждой из вмененных статей УК определенной меры социальной защиты и только после этого окончательного наказания по совокупности. При этом, конечно не следует забывать, что нечего особо останавли-

ваться на менее важных деяниях, уже входящих в состав более тяжкого преступления (напр., 184 ст. и незаконное ношение оружия и т. д.)

Таким образом, назначение мер социальной защиты по каждой из основных статей обвинения должно по возможности точно соответствовать социальной опасности действий осужденного, что требует вдумчивой оценки каждого в отдельности преступного действия. Между тем, суды, правильно определяя меру социальной защиты по совокупности, нередко не придают никакого или ненадлежащего значения мере социальной защиты, определяемой за отдельные преступления и, в результате, ни сам осужденный, ни те, которые его окружают и для которых применение к осужденному мера социальной защиты есть показатель оценки государством степени социальной опасности его действий, совершенно не уясняют себе степени социальной опасности тех или других преступлений. Кроме того, неправильное и небрежное соблюдение правил ст. 30 УК иногда не дает возможности УИК дать надлежащее направление рассматриваемому делу. Это бывает в тех случаях, когда мера социальной защиты по какой-либо из основных статей обвинения вовсе не назначена судом I инстанции, а между тем после всех изменений приговора именно эта статья из всех вмененных имеет тягчайшую санкцию или тогда, когда назначение меры социальной защиты по каждому преступлению было сделано судом явно без учета степени социальной опасности отдельных преступных действий осужденного.

Кроме того, напоминает необходимость соблюдения при применении ст. 30 УК постановления пленума Верховного Суда от 1/XI—1924 года (прот. № 20, п. 20), которое гласит: «разъяснить, что ст. 30 ст. УК дает право при определении наказания по совокупности преступлений повысить таковое до высшего предела наказания, предусмотренного одной из статей Уголовного Кодекса, по которой осужденный признан виновным сверх назначенного конкретно за каждое отдельное преступление наказания с тем, однако, чтобы повышение наказания сверх определенного по тяжчайшему преступлению, было особо мотивировано судом».

О вещественных доказательствах.

Наконец, в практике УИК нередко встречаются как случаи слишком широкого понимания судами термина «вещественные доказательства», так и случаев задержки без достаточных оснований выдачи тех вещественных доказательств, которые для потерпевшего являются предметами первой необходимости. Трудно дать по этому вопросу исчерпывающие указания и поэтому по-новому здесь придется ограничиться некоторыми общими замечаниями.

Прежде всего, не следует допускать распространительного толкования статьи 66 УИК и по возможности шире пользоваться ст. 67 УИК, которая допускает выдачу вещественных доказательств их владельцам, если это возможно без ущерба для производства дел. На практике вовсе не так уж трудно в каждом данном деле правильно разрешить этот вопрос.

Следует только вдумчиво относиться к цели приобщения того или другого вещественного доказательства к делу. Разрешение этого вопроса стоит в прямой зависимости от степени доказанности виновности или невиновности привлеченных к делу лиц. Если дело вполне ясно—вещественные доказательства могут быть без ущерба для дела выданы владельцу и до его окончания, а по делу могут быть заменены соответствующими актами, удостоверяющими те признаки вещественных доказательств, которые могли бы иметь значение для следственного производства. Если дело сложное, обвинение спорно, то в ковенных уликах и доказательства по делу носит противоречивый характер,—выдача вещественных доказательств до окончания дела, как общее правило, недопустима. Кроме того, конечно, совершенно недопустима выдача до окончания дела орудий преступления и тех предметов, которые сохраняли на себе следы преступления. Далее необходимо указать и на то обстоятельство, что в процессе предварительного следствия следователю нередко приходится путем обыска или

*) См. № 31 «Ежен. Сов. Юст.».

выемки приобщать к делу целый ряд предметов, которые либо являются вещественными доказательствами, либо могут стать ими в процессе следственного производства. Все эти, приобщенные к делу, предметы, вместе с обвинительным заключением в большинстве случаев механически пересылаются в камеру хранения вещественных доказательств при губсуде и губсуд до рассмотрения дела по существу не интересуется ими, а потому зачастую не удовлетворяет ходатайств владельцев вещественных доказательств, хотя некоторые из приобщенных к делу предметов по ходу предварительного следствия давно уже потеряли необходимые качества вещественных доказательств.

Ст. 38 УК.

Подтверждая вновь необходимость крайне осторожного применения конфискации имущества к рабочим, крестьянам и всем трудящимся, неуклонно руководствуясь при этом указанными ст. 38 УК, что в свое время было отмечено в докладе УКК, утвержденном президиумом Верховсуда 28 января 1925 г., следует отметить несколько случаев неправомерного понимания некоторыми судами ст. 38 УК, не отмеченных в упомянутом докладе, встретившихся в практике УКК за первую четверть 1925 года.

Согласно ст. 38 УК, по приговору суда может быть конфисковано только имущество, лично осужденному принадлежащее, каковое и отчуждается «в пользу государства». Тем не менее наблюдаются случаи конфискации некоторыми судами имущества, принадлежащего не лично осужденному, а организации, представителем которой он является, и притом не «в пользу государства», а в пользу, напр., крестьянской кассы взаимопомощи или даже в пользу гражданского лица.

Здесь необходимо отметить, что, определяя конфискацию имущества осужденного, суд должен иметь в виду отчуждение его «в пользу государства» и не вправе давать конфискованному имуществу того или иного специального назначения, т. е. это входит в круг обязанностей органов, приводящих приговор в исполнение, согласно имеющимся на этот предмет инструкций.

Кроме того, практика УКК показывает, что суды не различают конфискацию и штраф. Конфискация—это принудительное безвозмездное отчуждение в пользу государства определенного имущества, штраф же есть денежное взыскание. Таким образом, если суд считает необходимым конфисковать у осужденного часть имущества, то он должен подробно указать в приговоре какое именно конкретное и существующее на деле имущество подлежит конфискации, при чем предметы, подлежащие конфискации, должны быть перечислены. Ни в коем случае недопустимо в приговоре определять только стоимость подлежащего конфискации имущества или только указывать какая часть имущества подлежит конфискации, так как это создает большие трудности при приведении приговора в исполнение, и фактически является уже не конфискацией имущества, а штрафом.

Косвенные улики.

Большого внимания заслуживает также вопрос о пользовании косвенными уликами.

Как конкретный пример надлежащего использования косвенных улик, как судебных доказательств, можно привести следующий приговор одного из судов.

«Выслушав объяснения обвиняемой, показания свидетелей, заслушав прения сторон по делу и рассмотрев данные предварительного следствия и дознания, суд нашел: 1) что 12 ноября 1924 года между 17-19 часами в поселке имени тов. Урицкого (бывш. Лигово) при станции Лигово Северо-Западных ж. д. на дачу № 54 по Морскому проспекту, занимаемую бывш. курьером Ленинградского губсуда гр. Шибасовым и его семьей, был совершен налет с целью ограбления; 2) что во время налета и ограбления находящаяся в даче жена Шибасова Екатерина Шибасова и их приемный сын Виктор Шибасов 6 лет, путем нанесения им—Екатерине 6 колото-резаных ран и одной раны от удара тупым орудием, а Виктору—9 колото-резаных ран, были лишены жизни; 3) что во время налета было похищено и унесено преступниками: 1) одна пара женских ботинок черного цвета с подкладкой изнутри, сверху красного цвета, в виде обшивки, а в середине белого цвета, на лицевых каблуках, подошва на деревянных гвоздях, застегивающиеся шнурками, 2) одна женская юбка и 3) одно мужское летнее пальто, стоявшие же вещи из одежды были разбросаны в квартире, а один полушубок и мужское пальто были выброшены во двор, 4) что во время налета было выбито одно окно, выходящее во двор, но битье окна было услышано проходившим мимо дачи гр. Лумбе, который поднял крик,

вследствие чего преступники, будучи встревожены, скрылись и гр. Лумбе было замечена выбегающая из ворот одна женщина, которая на крики Лумбе не остановилась, а скрылась в кусты, свернув с дороги, 5) что в противоположную сторону от ворот, ведущих в указанную дачу, в заборе было выломано две доски, а на земле у этого пролома найдена ножка от кувалды и одна саночная лапа, последняя принадлежащая потерпевшему Шибасову, следовательно, часть преступников скрылась через выломанное отверстие; 6) что в даче на кухне, где лежала убитая Екатерина Шибасова, у плиты обнаружены две табуретки и окурки папирос, 7) что недалеко от дверей, ведущих в кухню, на прививки находились две собаки, принадлежащие—одна потерпевшему Шибасову, а вторая хозяйку дачи гр. Ланик, которые при появлении посторонних лиц всегда лаяли, а в данном случае, несмотря на битье стекол и хождение по двору замоченной Лумбе женщины, не лаяли, 8) что, судя по табуретам и окуркам на кухне и молчаливым собакам, часть преступников была знакома с собаками и с убийцами Екатериной и Виктором и им были поданы табуретки и они сидели и разговаривали, выходя в удобный момент, 9) что знакомой так с убитыми, так и с собаками, была обв. Осипова, как бывшая прислуга, проживавшая до этого в даче гр-на Ланик, 10) что дня за три до совершения налета обв. Осипова была в поселке им. тов. Урицкого у гр-на Лукьянова и интересовалась о том, кто живет в даче после выезда Ланника, а также была в тот же день и у убитых Шибасовых, 11) что обв. Осипова 12 ноября 1924 года около 16-17 часов была в поселке им. тов. Урицкого и была встречена на Морском просп. свид. Ивановой, Евдокимой, в обществе двух мужчин и одной женщины, которые шли по направлению к даче № 54, 12) что обвин. Осипова после налета, находясь в гор. Ленинграде, имела у себя женские ботинки, сходные с выше указанными приметами, и предлагала таковые купить свид. Ивановой, Анне, Бахваловой и др., а впоследствии продала на рынке через своего брата за 5 рублей, 13) что при расследовании этих ботинок и причину продажи обв. Осипова объясняет разное и определенно ничего не указала и не могла указать; 14) что местожительства и службы за несколько времени до налета и после налета до ареста ее, обв. Осипова не указала точно; ссылалась на Симутайцев, Бахвалову и Кирсанову не получала подтверждений, а, наоборот, была опровергнута, 15) что обв. Осипова в ноябре месяце 1924 года, проживая около трех дней без прописки у гр. Ивановой, Анны, заплатила у последней один рубль денег, говорила, что поедет в поселок им. тов. Урицкого (б. Лигово) за вещами; 16) что обв. Осипова показания всех свидетелей считает ложью, не приводит никаких мотивов и опровергающих свидетельские показания данных; 17) что свидетельские показания, как данные ими на судебном следствии, так и на предварительном, являются вполне правдоподобными и ни доводами обв. Осиповой, ни другими данными дела не опровергаются, а посему и в виду вышеизложенного считать виновность Осиповой, Прасковьи, доказанной в том, что она, находясь без определенных занятий и местожительства, 12-го ноября 1924 года между 17—19 часами совместно с другими, следствием не установленными лицами, в поселке им. тов. Урицкого (быв. Лигово) совершила открытое разбойное нападение, с целью ограбления, на квартиру гр-на Шибасова, помещ. в даче № 54 по Морскому просп., где, лишив жизни Екатерину и Виктора Шибасовых, похитили женские ботинки, одну юбку и мужское пальто и, будучи встревожены гр. Лумбе, скрылись, а затем похищенные ботинки Осипова сбывла на рынок, при чем роль наводчицы в данном случае исполнила она, Осипова, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 184, ч. 2 прим. к ст. 76 УК. В силу вышеизложенного и принимая во внимание: 1) что обв. Осипова, несмотря на целый ряд улик, упорно заперается, 2) что она в силу этого является упорным преступником и 3) что совершенное ею преступление носит кошмарный характер и с проявлением жестокости, 4) что она, Осипова, несмотря на ее хладнокровие, тем не менее находилась, как женщина, под влиянием более закоренелого преступника, 5) что Осипова судится впервые и, таким образом, есть еще надежда на ее исправление, как малосознательной преступницы, губсуд, руководствуясь ст. ст. 8, 9, 24, 25 и 26 УК приговорил: Осипову, Прасковью Осиповну, на основании ст. 184 ч. 2 прим. к ст. 76 УК лишить свободы со строгой изоляцией сроком на семь лет. В правах, пред. ст. 40 УК, не поражать. В срок лишения свободы зачесть время предварительного заключения с 21 ноября 1924 года по день суда».

Рассматривая приведенный приговор, нельзя не признать, что суд имел достаточные основания из совокупности всех перечисленных в приговоре косвенных улик сделать вывод о виновности осужденной, т. е. хотя каждое из перечисленных

в приговоре обстоятельств, взятое в отдельности, и не давало возможности суду сделать вывод о виновности в убийстве именно осужденной, но все они, взятые вместе, дают наличие причинной связи между установленными судом фактами и убеждением суда о совершении преступления именно данным лицом.

Прямые улики (напр., сознание обвиняемого, показания свидетеля-очевидца, участвующие в совершении преступления именно данное лицо, и т. д.) далеко не всегда имеются в распоряжении суда, почему косвенным уликам в ряду судебных доказательств и вопросу о надлежащем их использовании должно быть уделено большее внимание, тем более, что многим из судов вопрос этот, очевидно, недостаточно ясен.

Так, одним из судов гражданки был признан виновным в умышленном убийстве и осужден по ст. 145 УК при следующих обстоятельствах.

В деревне, у себя в избе, выстрелом из дробового ружья с улицы, через окно, была убита женщина. Извлеченные из ран дробь и остатки пыжа оказались сходными с дробью и пыжом, извлеченными из ружья гражданина, задержанного на другой день после убийства, когда он выходил из леса с дробовым ружьем. Несмотря на отсутствие каких-либо указаний на виновность в убийстве этого гражданина, несмотря на отрицание им своей вины, заявление его, что все местные крестьяне имеют точно такую же самодельную дробь и пыжи из того же самого материала (отрепья льна) и несмотря на совершенную невыявленность мотивов убийства, суд все же, не проверив заявления обвиняемого, вынес обвинительный приговор.

Нетрудно убедиться, что то обстоятельство, на котором в данном случае суд обосновал свой приговор, при отсутствии каких-либо иных данных, не могло служить доказательством виновности осужденного, т. к. между фактом сходства дроби и пыжей, извлеченных из ран убитой, и выводом суда о его виновности, нет никакой причинной связи.

Таким образом, являющиеся косвенными уликами обстоятельства могут быть использованы судом, как доказательства, лишь в том случае, когда вся их совокупность устанавливает причинную связь между этими обстоятельствами и убеждением суда в учинении определенного преступления определенным лицом. Другими словами, вынесенный на основании косвенных улик приговор может быть правильным лишь в том случае, если вывод суда о виновности обвиняемого является естественным следствием сопоставления отдельных обстоятельств, часто не имеющих каждое в отдельности самостоятельного значения, но составляющих в совокупности косвенные улики.

Упрощение порядка судопроизводства (ст. ст. 391, 394, 381, 397 УПК).

В заключение необходимо остановиться на имеющем существенное значение вопросе о пределах пользования губсудами так называемым упрощенным порядком судопроизводства, в связи с наблюдающимся за отчетный период времени случаями крайне нецелесообразного и неудачного применения этого порядка некоторыми губсудами.

В изъятии из общих положений УПК, установленных для судов, губсуды имеют право:

1) вызывать в судебное заседание только тех из допрошенных на дознании и предварительном следствии свидетелей, чьи показания имеют значение для дела, но в то же время страдают неспособностью или противоречивостью (ст. 391 УПК);

2) допустить или не допустить по делу обвинение и защиту «в зависимости от сложности дела, доказанности преступления или особого политического или общественного интереса дела» (ст. 381 УПК);

3) в любой момент рассмотрения дела прекратить дальнейший допрос свидетелей, если те обстоятельства, для установления которых свидетель вызывался, установлены показаниями уже допрошенных свидетелей (ст. 394 УПК);

4) не допустить прений сторон, «если признает дело достаточно выясненным на судебном следствии» (ст. 397 УПК).

Таким образом, закон точно указывает, какие именно формальности, нередко лишь осложняющие и затягивающие процесс, могут быть в известных случаях судом избегнуты, предоставляя в то же время разрешение вопроса о применимости или неприменимости в каждом конкретном случае упомянутых выше указаний революционному правосознанию судей.

Поскольку изъятия эти установлены для губсудов с целью ускорения и упрощения процесса, путем освобождения его в известных конкретных случаях от излишних для данного дела формальностей, с тем однако, чтобы такая постановка процесса не вредила интересам дела, возможности раскрытия истины — суду в каждом отдельном случае надлежит особо вдумчиво и тщательно относиться к оценке всех особенностей каждого данного дела, чтобы установить, возможно ли в данном случае не допустить, напр., обвинения и защиты (напр., в случае неразвитости, неграмотности обвиняемого и явной неспособности разобраться в обстоятельствах дела и защищать свои интересы), и т. д.

Если во многих случаях допустимо одновременное применение всех упомянутых выше указаний, значительно ускоряющих и упрощающих процесс, когда судебный процесс фактически может быть сведен к чтению обвинительного заключения, допросу подсудимого, оглашению показаний свидетелей и заслушиванию последнего слова, то такой порядок, разумеется, применим лишь при очевидной простоте и ясности дела (что своевременно циркулярно указывалось судам НКЮ и Верхсудом.)

Эта точка зрения, к сожалению, не всеми судами достаточно усвоена и за отчетный период времени УПК пришлось отменить несколько случаев применения некоторыми судами такого упрощенного порядка судопроизводства в полном объеме при сомнительной ясности дела, сопряженного сверх того с заочным рассмотрением дела в отношении обвиняемого, к тому же при отсутствии упомянутых в ст. 265 УПК условий.

Такой порядок даже при наличии указанных в ст. 265 УПК законных оснований к заочному рассмотрению дела, конечно, не допустим, ибо, с оглашением в таком случае допроса и последнего слова подсудимого, суд должен будет до вынесения приговора ограничиться лишь чтением обвинительного заключения и оглашением показаний свидетелей и обвиняемого, что равносильно отсутствию вовсе судебного следствия, имеющего своей задачей установление истины, путем тщательной проверки материалов дознания и предварительного следствия, не говоря уже о полном нарушении всех предоставленных подсудимому по закону прав.

Излишне говорить о совершенной недопустимости соединения упрощенного порядка судопроизводства с нарушением ст. 265 УПК, т. е. с заочным рассмотрением дела без законных к тому оснований, которое само по себе на основании п. 3 ст. 415 УПК влечет безусловно отмену приговора (см. доклад о деятельности УПК за 1924 год).

Председатель Уголовной Коллегии Верховного Суда
РСФСР Чельшев.